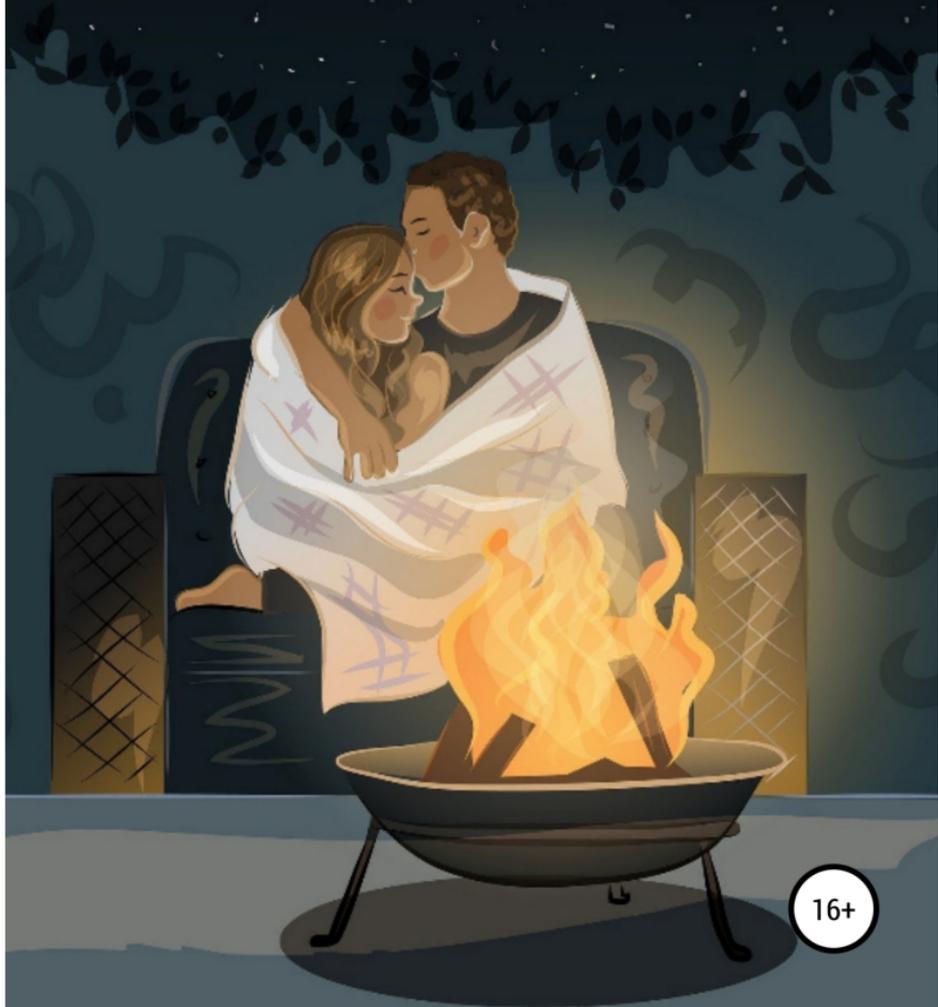

Тиана Тон
ТОЛЬКО ТЫ

16+

Тяна Тон

ТОЛЬКО ТЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48759101

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-08265-6

Аннотация

Две книги. Юная Кирма, одна из завидных невест Асаджуна, помолвлена с чужеземцем, и чувствует себя несчастной, поскольку не хочет выходить замуж за нелюбимого человека. В отчаянии она отважилась пойти наперекор отцу, и бежала из дома. Посреди безликой степи Айсильвермонтенстэпа одинокую девушку подстерегает множество опасностей, но на помощь ей никто не придет. Отважный мужчина с душой одиночки, которому она поклялась в любви и верности, недавно пропал. Ирим с первого взгляда покори́л сердце Кирмы, и именно с ним она была готова продолжить жизненный путь, если бы не его таинственное исчезновение. Об этом человеке девушка узнала многое, что даже легенда, окружающая его имя, не остановила её. Она упрямо шла вперёд, разыскивая жениха. Но как только Ирим нашелся, судьба в очередной раз развела влюбленных по разным сторонам. У Ирима достаточно неприятностей в семье, и Кирма отпустила его, но не обещала забыть...

Содержание

Часть 1. Легенда	9
Имена главных героев	9
Пролог	11
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	71
Глава 7	88
Глава 8	98
Глава 9	111
Глава 10	117
Глава 11	134
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Тиана Тон

Только ты

«Людьми часто управляет гнев, и его разрушительная сила велика. Когда правит глупость, то нет границ. Если проложила мост надежда, многое можно изменить и пережить. Как только в права вступает любовь – преодолеваются любые преграды!»

Действия происходили в далёкие и чуждые нашему времени века на континенте Айсильвермонтенстэп. Его граница тянулась с северной стороны по морям Северного Ледовитого океана. На западе и востоке, омывался континент Атлантическим и Тихим океанами, и имел несколько приближенных островов архипелага Шамашан. С южной же стороны, он тесно граничил с труднопроходимыми, не покоренными и малоосвоенными горами.

Множество народов населяли тогда таинственную обитель, где горы заросли лесами, плавно переходящими в равнинные безликие степи, а грозовые облака над головой рассыпались на красочное сияние.

Древние люди и таинственные существа селились племенами и приобщались к суровым условиям жизни. Они ежесекундно отстаивали своё место под солнцем, работали, со-

вершали обряды, рожали детей и вели борьбу с предательством – без этого никуда.

Поселения племён тесно граничили друг с другом. Священная Олиства служила разделительной чертой между двумя расами, живущими на одной горе Катасана. Дуворы обитали на вершине, а элли расположились у подножия.

Эти племена спокойно встречались на базаре в городе Асаджун, но постепенно назревала война за территорию. Ютиться на одной горе становилось труднее из-за стремительного увеличения численности кланов. Острые углы сглаживались, но это вопрос времени. Дуворы мечтали спуститься к равнине и расширить пастбища для выгула скота. Элли стремились вверх, ведь им не хватало солнечного света для хорошего урожая. К тому же, им не давали покоя дикари орши, которым стала известна тайна происхождения. Бродягам долгое время приходилось скитаться в поисках лучшей доли, и когда взыграл в них зов эллийской крови, они предприняли попытки согнать элли с насиженного места.

Орши – вульгарная, глупая и озлобленная раса – народ редко слушает вожака и всё чаще воюет между собой. Могли освоить горную осёдлую жизнь, но не пожелали, хотя в племени насчитывалось несколько ловких, отличных шахтёров. Орши часто развлекали себя употреблением настоя, от которого появлялась недюжинная сила, а тела покрывались ярко-зелёной растительностью в виде густого подшерстка, защищающего от лютых морозов. Задурманенное сознание

толкало на подвиги, и тогда они бродили полураздетые и босые, поджимали толстые губы, чесали широкие лбы и наводили ужас на любого встречного. Бедняга предпочитал отдать всё добро и оружие, чем связываться с мохнатыми безумцами. За ворованным оружием дикари следить не желали, допуская до ржавчины боевые мечи. Благодаря попустительству, как тупые топоры и обколотые булавы, удавалось остальным племенам отражать предпринятые атаки орши.

С такими непростыми моментами, жизнь у каждого клана текла своим чередом. Народы создавали оружие, защищали земли, справляли свадьбы, следуя собственным ритуалам. Были и запреты. Древнее заветное пролегло между элли и дуворами, запрещая им жениться.

Что за народ элли, который норавлили погубить орши, и тяготил древний запрет? Это люди неземной красоты с сияющей светлой кожей. Длинные волосы оттенка серебра мужчины заплетали в толстые косы, а девушки закручивали в жгутики, обрамлявшие худое овальное лицо. Изумрудного оттенка глаза каждого элли прикрывали густые светлые ресницы, скрывая настороженный глубокий взгляд, что поражал мудростью. Элли читали мысли и душу других людей как книгу. Часто их величали лесными тенями за особую любовь к свободе и понимание языка природы. Хотя занимались они привычными делами: выращивали пшеницу, кукурузу и овощи; ловили рыбу; собирали дикие ягоды и некта-

ры. Тем и жили. Что-то оставляли себе, а что-то продавали другим народам. Гордые, честолюбивые люди племени элли на редкость дружелюбны, общительны и преданны. Они всегда придут на помощь, а при схватке с недругами будут защищать до последней капли крови. Загадочные соседи дуворов!

Дуворы – удивительный народ! Отличные работники, которые успевают разводить скот, добывать руду, мастерить оружие и орудия труда.

Их маленький рост и плотное телосложение несколько не портит добродушного впечатления при знакомстве. Люди с длинными рыжими волосами, заплетёнными в две толстые косы, довольно привлекательны и общительны. Они дерзко взирают на мир светло-кариими глазами, обрамлёнными тёмно-рыжими ресницами.

Дуворы – прямолинейный народ, не терпящий лжи и уворток. Но не так уж они серьёзны. Чудные шутки, которые гордо именуют юмором, многих в своё время жестоко обидели. Не получалось у них острить, хотя было желание побалагурить.

Наравне с этим – напористость, храбрость и сила – важные качества дуворов.

«Порядок во всём без исключения! – основной девиз этого племени».

И мы с таким настроением отправляемся по следам древнего народа на затерянный посреди огромной планеты континент.

Часть 1. Легенда

Имена главных героев

Племя элли «Тени леса»:

- Аркял, Дикий вопль (вождь)
- Ирим (главный герой)
- Веллес (его отец)
- Мирателла (мать)
- Фокстоф (дед)
- Пуша (бабка)
- Бьюч (друг главного героя)
- Роматис (предатель; племянник жены вождя)

Племя дувор «Горные яки»:

- Кирма (главная героиня)
- Пуотс, Громовой голос (вождь клана; отец главной героини)
- Жиона (жена вождя; мать главной героини)
- Рисса (младшая сестра героини)
- Гиппогриф Якс (найдёныш)
- Толос (дувор из северного племени, друг отца героини)
- Рагимн (северный дувор, жених главной героини)

Отряд орши:

- Зодон (вожак)
- Панелис (дочь вожака)
- Матакар (хороший воин)
- Баден (бездельник)
- Слотос (неудачник; поклонник дочери вожака)

Пролог

– Да что вам нужно? – кричала девочка лет пяти, убегая от галдящих мальчишек.

Малышка выбилась из сил и упала плашмя, разодрав колени. Из её маленьких ладошек рассыпались лиловые цветы. Она хлопала носом и заливалась слезами. Страх не позволил девочке бежать дальше, и она обессилено лежала на влажной траве, обхватив голову перепачканными руками.

Двое упитанных мальчиков догнали беглянку и занесли над ней длинные палки, собираясь поколотить.

– Нет, не надо, – просила девочка, пряча лицо в траве. – Что вам нужно?

– Ты слышал, Слотос, крысёнок пропищал что ли? – Засмеялся мальчишка. Он присел перед девочкой и дёрнул её за волосы, да с такой силой, что между пальцами остался клочок волос.

– Баден, да чего с ней возиться, давай уже побьём дуворскую малявку, да пойдём на реку, ловить мальков.

– Погоди, погоди, я ещё не погонял её по роще, – не унился ребёнок племени орши. – Вставай, малявка, и беги, мы тебя отпускаем.

– Знаю я вас, обманите меня, – всхлипнула девочка, не поднимаясь с земли. Носом она уткнулась в траву и дрожала всем телом, мысленно обещая себе, что если удастся сбе-

жать, никогда не покинет лагерь без разрешения, и во всём будет слушаться родителей.

– Беги, а то поколотим тебя, толстушка, – веселился Слотос.

Дети орши были такими же грубыми и дурными, как взрослые их племени. С малых лет ребят приучали к жестокости. Они не умели любить даже родителей, ценить друзей и уважать старших. Горе тому, кто попадался на их пути, потому что сорванцы избивали незнакомца палками и забивали камнями. Сколько ни боролись с этим кланом другие племена, победа была на стороне этих свирепых людей.

А тут им встретилась малышка из племени дувор. Девочка улизнула от матери, пока та на пастбище доила козу. Решив набрать букет маргариток, девочка всё дальше уходила от поселения племени. Когда её внимание привлекли крупные шапки лине́й, она потерялась. Девочка бродила по полю в надежде найти тропу, которой пришла, но чем больше кружила среди кустарников, тем дальше плутала. Когда крошка заметила мальчиков, ломавших ветки тонкого клёна, направилась к ним с просьбой о помощи, а получила подзатыльник и несколько пинков. Девочка попыталась сбежать от хулиганов, но они быстро нагнали её и принялись гонять по лесу.

И теперь, обступив дуворку с двух сторон, они начали щипать её и дразнить.

– Ну, толстушка, побегать не желаешь? Слотос, помоги,

давай её поднимем и скинем в реку, – предложил приятелю новую забаву всклокоченный крупный мальчик орши.

– Точно, давай её искупаем, – засмеялся Слотос.

– А меня искупать не желаешь? Я буду сговорчивее, чем девчонка, – раздался за спиной орши незнакомый голос.

Хулиганы выронили палки из рук и развернулись. Девочка тоже приподнялась с земли и посмотрела на спасителя. Если точнее, то спасителей. В стороне от места разыгравшейся драмы стояли три высоких паренька племени элли и прожигали полными ненависти взглядами малолетних бандитов.

– Ну, чего молчим, купаться пойдём? – обратился мальчишка с ясным бирюзовым взором. Он медленно надвигался на Слотоса. – Обещаю, мы славно проведём время.

– Роматис, Бьюч, вы как, не возражаете, если мы чуток порезвимся с пухляками? – обратился элли к приятелям.

– Сам ты пухляк! – огрызнулся Баден, и сжал кулаки. – Наваляю тебе, будешь знать, как вмешиваться в чужие игры.

– Так, а я что-то не понял, что вы делаете на чужой территории, а? Заблудились? Так мы мигом покажем дорогу.

– Это и наш лес тоже, – закричал шкет орши и бросился в драку с элли.

– Терпения им точно не хватает! – воскликнул Роматис и заступился за приятеля. – Ирим, молоти его сильнее, чтоб забыл дорогу в наши места.

Пока мальчишки дрались, девочка спряталась за кустар-

ником.

Элли одержали победу в схватке и погнали орши со своей земли. Те неслись, не разбирая дороги, цепляясь за низкие ветки и перепрыгивая выступающие из земли толстые корни.

Элли долго смеялись им вслед, стряхивая ошмётки влажной почвы и налипшую на руки траву.

– А девчонка-то где? – удивился Бьуч. Мальчик осмотрелся по сторонам.

– Да убежала теперь, – предположил Ирим. – Страху-то натерпелась.

– Я здесь, – пискнула девочка, выглядывая из-за кустов. – Я не знаю, куда мне идти.

Малышка подошла к ребятам, потирая ушибленный локоть. Её орехового цвета глаза, да россыпь веснушек по щекам, сразу располагали к себе. Вроде и обычная внешность у малышки, а приметная и славная.

– Ты как здесь оказалась, глупая? – обратился Роматис к девочке. Он с особой тщательностью оттирал пятно на штанах.

– Я заблудилась, когда собирала цветы, – пояснила девочка. Она сорвала лист подорожника и протянула мальчику, который внимательно смотрел на неё.

Паренёк был выше своих приятелей, и слишком худой, но отважный. Его бирюзовый взгляд особенно понравился девочке – таких глаз она ни у кого ещё не видела. – Возьми листок и приложи к щеке, а то там кровь.

– Спасибо за доброту, только ты лучше бы так заботилась о своей безопасности и не ходила гулять одна в места, где и взрослому страшно, – обратился Ирим к девочке, принимая из её рук подорожник.

– Ну, вы ведь ходите сюда гулять, – возразила девочка, ощупывая колено ладошкой.

– Одно дело мы, и другое – маленькая девочка.

– Я вовсе не маленькая, – упрямилась малышка.

Ребята элли рассмеялись.

– Пойдём, не маленькая девочка, мы проводим тебя до-мой, – предложил мальчишка по имени Бьуч. – Ты же дуворка?

– Да, – тихо ответила девочка, и потупила взор.

– Ну вот, мы отведём тебя в Асаджун, – подтвердил Роматис.

– Только чуть проводите меня, а дальше я сама, – попросила малышка. – Если мама или отец узнают, что я потерялась, меня накажут хворостиной.

– Хорошо, пойдём! – улыбнулся Ирим.

– Спасибо! – поблагодарила девочка спасителей, следуя за ними. Она припадала на ногу и морщилась от боли.

– Не теряйся больше, – попросил Бьуч, обращаясь к дуворке.

– Обещаю! – кивнула малышка.

Глава 1

– Уф, неужели добрались?! Глазам не верю, а перед нами Асаджун! – воскликнул светловолосый мужчина по имени Роматис.

– Три дня хода ради клана, поэтому можно и потерпеть, – вступил в разговор Ринжин. Это был невысокий бледнолицый мужчина. Он пошевелил ушами и прислушался. Снизу нарастал рокот разбушевавшегося моря. Брызги разлетались в разные стороны и добавляли солоноватого привкуса в свежесть хвойного леса. Рой насекомых носился возле них и налипал на потные лица путников.

Десять мужчин, оглядевшись по сторонам, остановились на последнем спуске с предгорья, у мягких, поросших сочной зеленью ступеней. Именно в том месте всегда чудесно пели свои замысловатые песни пёстрые птицы.

– Не нравится мне всё это. Может, Аркял преувеличивает? – обратился элли к своим собратьям. Он был ниже всех на голову, но шире в талии и крепче в плечах. Его длинные ресницы прикрывали изумрудный внимательный взор грустных глаз, которыми он окинул соплеменников.

– Да, правда, столько оружия приобрести велел. Мы и в руках-то не удержим его. Как же обороняться тогда? – ступил в разговор самый старший элли. Его светлая туника доходила до бёдер, о которые он всё время потирал вспотевшие

ладони. Путник устал и нервно поправлял висевший за плечами лук. Из голенища его высоких, из тонкой кожи сапог, торчали два клинка. Воин считался старой закалки, и всегда оказывался во всеоружии, будь то ночь или жаркий полдень.

– Ребята, раз вождь приказал, значит, будем выполнять, – проговорил самый молодой из попутчиков, по имени Бьуч. Этот путник был самый ответственный и строгий из клана элли. Он не терпел лени, всегда чем-то занимался, либо упражнялся в поединке на кулаках.

– Скажи-ка нам, братишка Бьуч, неужели ты веришь в то, что орши могли быть нашими прародителями? Из-за этого сказания нам требуется много орудия, чтобы защищать своё государство от их набегов. Только вдумайся, где мы и где они! – вещал Роматис. Элли важно вытягивал шею и осматривал себя. Статный, молодой мужчина тщательно следил за своим внешним видом, манерами и поведением. Если описать его несколькими словами, то это всего лишь напыщенный сноб. Красивый, самоуверенный мужчина мало кого слушал и уж точно не прислушивался к разговорам ниже по рангу собратьев.

– Скажу, ребята, только одно: вроде, есть такое поверье. С давних времён на слуху, будто орши – мутанты элли, изменившиеся посредством чёрной магии. И да, добавлю, дикари стали беспокойны. Если они и раньше чинили варварские проделки, то теперь и вовсе озлобились. Поговаривают, что их вожак Зодон думает Катасану себе захватить, – пояс-

нил Бьюч и заслони́л глаза ладонью от солнца, палившего с особой щедростью на пике горбатого малахитового квадрата горы.

– Я не хочу воевать, – вступил в разговор ещё один элли. Этот был и вовсе мальцом, по сравнению с остальными путниками. Он распустил завязки длинного коричневого плаща, и тот мягкой лужицей образовался у его ног. Мальчишка наклонился и поднял одеяние. – И зачем ему наша гора? Мало их, что ли?

– Ты думаешь, кто-то из нас этого хочет, Виетто? Может ещё обойдётся. Аркял решил перестраховаться! – предположил Роматис.

– К тому же, Дикий вопль заказал не только оружие, но и сладости, и немного посуды. А это говорит о том, что впереди нас ждёт мирная жизнь! – вступил в разговор Стронг, – коренастый, невысокий элли.

– А я хочу вина купить, – поделился мыслями Моджин. Весёлый, длинноволосый элли любил хлебнуть глоток-другой настойки. С его лица улыбка сходила очень редко, и своим обаянием мужчина подкупал самых строгих старейшин клана.

– Моджин, какое тебе вино? Ты как выпьешь, так начинаешь танцевать, не удержишь тебя. Мушша – дикая царица твоего сердца, потанцует тебе, – пошутил ещё один путник. Его шутку поддержали задорным смехом остальные. Их лица озарились неподдельной радостью и дружелюбием.

– Шутки в сторону, ребята, пойдёмте. Раньше покончим с делами, быстрее вернёмся домой. Оборону держать нам придётся долго. Лично я – не любитель долгих отлучек, особенно когда свирепствуют орши. И от этого здесь мне не уютно, – проговорил Бьуч. Он сделал несколько шагов по травяному покрову и остановился.

– Нет, ну как так? – Возразил Моджин. – А состязания? Неужели никто из вас не хочет посоревноваться, например: с «Горными яками» за поцелуй их Ашимы?

– Почему именно Ашимы? – хмыкнул Виетто. Может в этот раз тебе подарит поцелуй другая милашка?!

– Ага! Только подарят ему не поцелуй, а оплеуху. И будет это не чужая милашка, а Мушша, – подшутил над приятелем Стронг. – Ты же знаешь, что она всегда в курсе твоих проделок.

– Не пугай его, – вступил в разговор Бьуч. – Поцелуй на базаре может подарить только Ашима. Она вдова и, конечно же, ей хочется немного ласки. А я считаю, таким образом, женщина выбирает себе нового мужа по грубым мужским объятиям.

– Может, ты и прав, Бьуч, – поддакнул Моджин. – Да и состязания не такие уж и трудные. Скажи, разве мы не сможем перепилить бревно быстрее, чем другие участники? Разве мы не сильны? Зато получим приз. В этой игре всегда дарят что-то из посуды.

– Точно. А их пресловутый столб! – восхитился Ринжин. –

Мы ведь сможем на него забраться, если захотим. Там выигрывают обувь. Вопрос в том, зачем нам нужны сапоги большого размера?

– А вот ради знаменитых сладостей Тропоса, я бы поборолся. Никто ведь так и не выведал у него секрет приготовления ягод в сладком медовом сиропе.

– Верно. Вы только подумайте, есть ягоды и мёд, есть другой нектар, но как это совместить? А он делает такое, что получается сладость, за уши не оттащишь.

– Можно сойтись в рукопашном бою, – вставил Моджин. Он оборачивался от одного к другому и улыбался. – Я смогу побороться.

– Да, мы уже слышали, что за поцелуй Ашимы ты на многое готов, – рассмеялся Бьюч. – А горящую колесницу осилишь?

– Зачем ты так говоришь, друг? – Обиделся Моджин. – Ведь сам знаешь, как мы боимся огня с древних времён.

– Не обижайся, я не хотел так шутить, само как-то вырвалось. Может потому что стало обидно за Мушшу? Она там ждёт тебя, а ты мечтаешь о поцелуях другой девушки.

– Да, конечно, я был не прав. Просто понесло меня не туда вдали от дома, – загрустил Моджин. Он как-то мгновенно сник, и даже солнце спряталось в этот момент за облака.

– Ай-ай-ай! А говорят, что шалопай – я, – вступил в разговор парень, молчавший до этого момента. Он немного отличался от своих собратьев: был выше ростом, бледнее кожей

и хуже всех. Его серебристые волосы, собранные в высокий хвост и заплетенные в косу, оплетала серебряная нить. Глаза у молодого человека разительно отличались от изумрудных глаз всех сородичей, и были они бирюзовыми, с золотыми искорками вокруг радужки. В его взгляде читалось что-то особое, что не передать словами, это просто нужно видеть. Мудрость не по годам отражалась в этом таинственном взоре – как у старца, повидавшего жизнь. Он словно проникал в тайные глубины мыслей окружающих. Когда парень осматривался по сторонам, можно было общаться непринуждённо, а как только он смотрел в глаза собеседнику, тот запинаясь и терял суть разговора. В расе его считали полукровкой, да ещё из бедной семьи. И если быть до конца честными, недолюбливали его остальные элли за бесшабашный характер. Парню давно пора жениться и заняться делом. Однако он бродил по лесам, общался с животными, озорничал и подстраивал трюки своим братьям. И единственный, кто его понимал, это лучший друг Бьюч.

Сам Бьюч состоял на службе у вождя клана и выполнял все его поручения. Своей сдержанностью он старался одёргивать непутёвого, расшалившегося Ирима, который только что вступил в разговор. На деле, Бьюч давно изучил друга и знал, насколько тот честен и ответственен в различных обстоятельствах. Просто прятался парень за оболочкой разгильдяйства по известным ему причинам. Хотя сам приятель больше склонялся к мысли, что это такой нрав от рождения.

– Друзья, пойдёмте дальше. Пора, – позвал товарищей Бьюч. Он поднял взор на небо, прежде чем отправиться дальше.

Погода стояла сухая, даже жаркая, несмотря на то, что по небу быстро плыли мохнатые серые облака, гонимые шаловливым, задиристым ветром.

– За мной, братья мои! – пропел Ирим. Он махнул рукой в знак следовать за ними.

Элли бесшумно ступали по мшистым ступеням мягкими зелёными сапогами. За их спинами висели луки и колчаны со стрелами, а в голенищах сапог были вложены кинжалы. Каждый из отряда тащил в руке по холщовому мешку с провизией, и приходилось часто останавливаться, чтобы руки немного отдохнули от тяжести.

– Да, поспешим! – согласился Ринжин. – Я впервые пришёл на этот базар. Как-то всё не удавалось выбраться.

– Верно, не всегда находишь время. Два раза в год проходит эта ярмарка, длиною в пять дней, а мы тратим на дорогу три из них. Конечно, разве что-то там осталось для нас? – вопрошал Моджин. Он принюхивался к запаху поросли под их ногами. Трава была сочной, но пахла тиной. Элли присел на корточки и, сорвав травинку, растер её между пальцами. – Соль оседает даже на вершине, так растительность совсем пожухнет.

– Не ворчи, – улыбнулся Ирим. – Сам же знаешь, раньше выйти мы не можем – сбор ягод среди Олиствы приходится

именно на этот период. А по поводу соли, то это от недавнего шторма.

– Да! Только бы не повлияло оседание солёной влаги на священную Олиству. Она в этот раз особенно щедро наградила нас урожаем, а деревьев осталось мало, – вздохнул Бьуч и проследовал за братьями. – Орши вырубают их нещадно. Им не понять, как целебна её хвоя, что любой недуг исцеляет. А ягоды, какие это волшебные ягоды! Они же растут на кустарниках, которые ветвятся от корней самой Олиствы. Это высшие силы нам так раздают свою милость!

– Верно, всё верно! – подытожил Ирим.

Глава 2

Элли спустились со склона и ступили на территорию города Асаджун, где жили дуворы из племени «Горные яки». Их вождя звали – Пуотс, Громовой голос.

– Ой! Ба! Смотрите, кто к нам пожаловал! – воскликнул невысокий, коренастый мужчина, приближающийся к путникам. – Никак светлокрылые элли взлетели к нам ввысь.

– Приветствуем тебя, Жилос! – произнёс Бьуч. Он приложил указательный палец правой руки ко лбу, после чего сжал кулак в вертикальном положении. Таким образом, элли выражал почтение представителю вождя «Горных яков». Его примеру последовали собратья. – Как здоровье Громового голоса? Всё ли в порядке на ваших землях?

– Вашими молитвами! – пробасил Жилос. Он приложил ладонь к груди, выражая уважение к гостям. – Вы как всегда с запозданием. Чем на этот раз порадуете?

– Мы принесли сухой священной травы, сладких и солёных ягод, мёда, грибов и корнеплодов. И немного рыбы захватили: вяленой, сырой, солёной. На любой вкус.

– Что приобретёте сами? У вас достойный товар, на что обменяемся? – деловито осведомился Жилос. Он обвёл рукой округу, давая понять, что готов обсудить сделку.

– Дюжины две приобретём глубоких мисок, пять кувшинов и дюжину плошек. Десять бутылей вина заберём непре-

менно. И оружие. Только то, что по тяжести не больше моего веса, – пошутил Бьюч. Он осмотрел приятелей, озадаченно почесал затылок, пожевал губами и взглянул на дувора. – Арбалеты возьмём.

– Эй, парни, зачем вам оружие? Своего мало? Уж не нас ли пришли убивать? – засмеялся Жилос. Бородач приподнял кустистые брови и с гордостью погладил свисающий на пояс пивной живот, при этом, продолжая улыбаться.

– Не волнуйся, Жилос. Вас мы прибережём на потом, – отшутился элли. Он бросал заинтересованный взгляд в сторону главной площади города.

– Порадовал, парняга, – рассмеялся дувор и хлопнул Бьюча по плечу, – отчего элли повело в сторону. – Можете пока перетащить свой товар вон туда к амбару. А мы с братьями подготовим ваши поклажи.

Жилос развернулся и ушёл. Элли перенесли мешки в указанном направлении и отправились на площадь, чтобы прогуляться вдоль рядов с различными изделиями.

На базаре было шумно. Торговцы криками зазывали за своим товаром, во всю рекламируя достоинства и качество. А уж чего тут только не было. Нестройные ряды продавцов чередовались с грудями мешков, корзин и тачанок. Лавочки с продуктами сверху прикрывались тонким слоем холщовой ткани, на случай непогоды.

Женщины-молочницы в длинных серых платьях, с повязанным льняным передником до самого подола и в забав-

ных чепцах на голове, предлагали свои не хитрые продукты. Они выставляли напоказ молоко в небольших глиняных кувшинах. Торговали как свежим молоком, так и скисшимся. А масло в горшочках с липкой желтоватой прослойкой взбито было на совесть. Оно таяло на жаре, и торговки спешили продать его в первую очередь. Радовали взгляд и маленькие головки сыра, обёрнутые льняной тряпицей. От них шёл острый запах пряностей, творога и закваски. Уж как они варили его, было секретом, но у тех, кто звенел золотишком в мешочке, слюнки текли при покупке этого продукта. Они-то давно испробовали на вкус сырную нарезку. Иногда даже в очередь выстраивались, чтобы успеть приобрести хоть кусочек этого молочного лакомства.

Пока богачи скупали самую вкусную продукцию, между рядами со специями и травами, прогуливались представительницы прекрасного пола. Хозяйки ходили на ярмарку исключительно с корзинками из ивовых прутьев. Они искали выгоду во всём: особенно старались посетить рынок пораньше, чтобы купить специи. Те были очень дорогими, но если успеть к открытию, можно поторговаться.

А вот вдоль ряда с яблоками, ягодами и сладкими кореньями, бегали ребяташки. Они норовили что-нибудь стянуть у зазевавшихся торговцев, а те потом прогоняли их воплями и метанием огрызков в спину. Дети убежали и дразнились, на ходу сбивая зазевавшихся покупателей, которые тоже грозили им вслед и громко кричали. Шум, гам, птичьи крики, то-

пот и свист, всё слилось в гул, подобно налетевшему шквалистому ветру, который кружил всё подряд на своем пути. В глазах рябило. Да ещё под ногами крутились тощие облезлые кошки, в надежде, что достанется кусочек чего-нибудь вкусного. Их гоняли собаки. А тех, в свою очередь, пинали прохожие.

В дни, когда открывалась ярмарка, а случалось это два раза в году, на территории горы Катасана в городе Асаджун, где проживало племя дуворов, съезжались несколько рас. Здесь можно было повстречать людей различных рас, эльфов, хоббитов, и даже гномов, которые выходили из своих подземелий исключительно ради торговли. Эти сильные, выносливые существа приходили на базар без своих женщин не только потому, что их очень мало, а кто-то должен следить за хозяйством, но и, чтобы вести бизнес лично. Ведь у мужчин это получалось гораздо успешнее. И поэтому к базарному дню они успевали изготовить достаточно оружия и кольчуги. Именно длинная туника из мелких металлических колец получалась у гномов лучше всего. Хотя, если разобраться, особой разницы между полами гномов и не было: ни в одежде, ни в облике. Бороды носили все представители этого народа, не исключая и женщин. Только они были гораздо симпатичнее своих мужчин, которые старались обеспечить дам всем необходимым и трудились без устали. Гномы ещё любили торговать украшениями. А в знак дружбы с элли и эльфами, всегда создавали что-то особенное, для любивших

самоцветы друзей.

Помимо лавок с украшениями, торговли всевозможным оружием и доспехами.

Между рядами, словно диковинные бабочки, порхали юные девушки и предлагали маленькие букетики цветов на выбор.

Вообще, на аккуратно сколоченных сильными руками дворов прилавках была разложена разнообразная провизия, которой не только торговали, но и обменивали на другой товар. Рыжего цвета жидкое масло с ароматной ноткой подсолнуха в горшочках обменивали на бочонок мёда. Миску толчёного каштана меняли на бутылку хлебной закваски.

А можно было просто прикупить мешок муки, которая лежала на специальных тачанках. Если к этому товару добавить яблоко и репу, что в корзинах привлекали взор округлыми боками, то получится вкусный рассыпчатый пирог. На этот случай можно приобрести кувшинчик кленового сиропа, который стоил совсем немного. И если полить свежую выпечку этим нектаром, то получится потрясающе вкусное лакомство. Густой сироп медленно стекает с ноздреватого дышащего пирога, смачивая его со всех сторон, от чего тот просто тает во рту, оставляя нежное послевкусие. Ну а если кому лень возиться с опарой, можно просто купить булочку. Их множество возвышалось горкой на блюде. Они были накрыты тонюсенькой салфеткой, но источали аромат корицы и тмина. Кисловатые на вкус пирожки с вишневой на-

чинкой просто сочились алой влагой и пропитывали тряпицу насквозь. Когда голодный покупатель ел прямо на ходу, раскусывая выпечку, ему на язык попадались крупные, чуть запечённые вишенки, лопавшиеся во рту. Он блаженно щурился от удовольствия и не торопясь следовал дальше за покупками. Ведь там, куда он направлялся, уже не будет такого восхитительного аромата.

На соседнем ряду расположились торговцы морепродуктами. Рыба связками лежала в деревянных ящиках. Острый запах моря, соли и влаги, не всем был по нраву. Многие покупатели морщили носы и спешили пройти мимо. Зато мясо быков, овец, зайцев, особенно ценилось в ту пору.

Так что, товары поражали своим изобилием. Суп из побегов и вершков дикого щавеля продавали в специальных горшках с закрытым горлышком. А засахаренные ягоды раскладывали по широким низким баночкам. Наставлено столько этих банок и горшков на прилавках, что не сразу разглядишь нужный товар. На то и был расчёт хитрых торговцев, чтобы скупали всё подряд, на что упадёт взгляд и хватит монет оплатить покупку. Из-за этого часто возникали споры, даже драки. Кто-то испортил товар и не захотел его оплатить. Разгневанный продавец выскакивал из-за прилавка и гнался за нарушителем. Тот нёсся, сметая всё на своём пути. И его непременно ловили, после чего случался самосуд, и провинившегося молотили кулаками, повалив на мостовую.

Конечно же, в столь многолюдном местечке громко тор-

говались до хрипоты в голосе. И в большинстве случаев, покупатель уходил ни с чем из-за упрямства торговца. Покупатель назло несговорчивому купцу уходил на противоположную сторону, где на отдельных столах были разложены куски кожи и просмоленные лоскуты, для натирания сапог.

Чуть дальше – выделки из шкурок кроликов соперничали с мехом лисицы. Шелка в рулонах не шла ни в какое сравнение с остальной тканью, местами сеченой и поеденной молью. Лён предпочитали немногие, зато шерсть пользовалась большим спросом. Из неё шили коврики на стены, штаны и туники, тёплые стёганные одеяла, детские вещи, подушки на табуреты и многое другое.

А если пройти чуть вперёд и свернуть за угол, предстанет взору совсем иная картина. На одном прилавке расставлены склянки и колбы с лекарством. Мази невыносимо воняли, зато раны после такой растирки затягивались на глазах. Сушёные травы пучками, истёртые в порошки, и даже свежие для отваров, лежали на столике рядочками – выбирай что, пожелаешь.

На особых витринах, имеющих углубления с высокими бортами, стояли рядами кувшины, в которые загодя разлили вино и тёмный эль, горькое пиво и бродивший квас. Можно было оплатить маленькую порцию напитка и прямо на месте утолить жажду. Что непременно делали завсегдатаи. Им не было никакого интереса выбирать доску для разделки мяса. А таковых имелось великое множество на четвёртом ряду

от входа. Деревянные лопатки, глубокие ложки и ножи, привлекали внимание только самых хозяйственных посетителей или содержателей харчевни.

На базарную площадь эти товары крестьяне волокли на спинах на рассвете. Они раскладывали на столах для торговли с особой тщательностью всю провизию, а уже вечером собирали и тащили назад в свои временные палатки.

Дуворы очень рьяно следили за чистотой и порядком на улицах и базарной площади. Поэтому, каждый раз, как только солнце опускалось за горизонт, а базарный день завершал свой очередной этап, дворники наводили чистоту. Они мели дворы широкими тяжелыми метёлками, собирали объедки и огрызки в корзины. Да, и счищали раздавленный подгнивший товар с мостовой, чтобы надоедливые насекомые не устраивали лакомых пиршеств. Над головами прохожих и без того кружили прожорливые птицы, и хватали налету любое лакомство, после чего чинно усаживались на крыше домов и наедались до отвала. А про рой мошкары и говорить нечего, они противно жужжали у лица, жалили, и откладывали личинки прямо на ходу, – после чего рана чесалась, опухала и гноилась. И если вовремя не смазать мазью, место покроется кровавой коркой, которая лопается и нарывает.

Элли созерцали бойкую торговлю и споры, которые оглашали площадь, совсем недолго. Старший мужчина их маленького отряда пробирался среди галдящей толпы. Его спутники свернули к прилавку с украшениями. В тот момент

прозвучал удар молота по металлу, объявляя тем самым начало состязаний. Мужчины ринулись вперёд.

Ирим по обыкновению, мечтательно смотрел по сторонам, не интересуясь силовыми турнирами, и ясно дело, не успел среагировать на поспешность собратьев. От того, что верный дружок Бьуч ухватил его под локоть и дёрнул, парень не удержался и споткнулся о булыжник на мостовой. Пролетев немного вперёд, Ирим уткнулся во что-то мягкое. Это что-то, разглядывающее тонкий витой браслетик, резко развернулось. И... Их взгляды схлестнулись. Браслетик выпал из рук и звякнул о дорожку. Не важно. Яркая бирюза взгляда Ирима поразила орехового цвета негу глаз незнакомки. Она не растерялась и треснула парнишку кулаком по лбу. Подбоченилась девица, отставив одну ногу в сторону, и с интересом оглядела неуклюжего парня.

«Дуворка. Красавица! – подумал Ирим. – Мы не встречались ранее?»

«Надо же, какой необычный элли, совсем непохож на остальных, – размышляла девушка. – Вроде где-то я его уже видела».

Но тут в их молчаливый диалог вмешались, завершив поединок.

– Ирим, ну где ты опять затерялся? – подскочил Бьуч. Друг снова ухватил Ирима за руку и увёл за собой. – Пойдём скорее, я хочу принять участие в конкурсе стрелков. Как думаешь, я же меткий?

Парень уйти-то ушёл, но перед его взором так и стоял насмешливый взгляд девчонки. Эти глаза, пока элли отдалялись, прожигали ему спину. Задумчивым взором незнакомка проводила чужака за поворот. Девушка была ошеломлена. Среди всех мужчин их племени, не набралось бы и десятка, чтобы затмить этого юношу.

«Какая осанка, какая стать! Он царственно держал спину, будто бы в его крови текли тёплые струи родовитого класса».

Кирма развернулась, позабыв, зачем пришла. Она собралась было идти, когда гном напомнил о браслете, который девчонка собиралась приобрести до столкновения. Дуворка отрицательно качнула головой, и ещё раз взглянула в сторону, где происходили состязания.

«Лучше уйти! – решила для себя девушка».

Хотя Кирма знала себе цену, но её действительно потрясла случайная встреча. Она уже видела эти глаза, только очень давно, будто в другой жизни, а они наяву преследуют её. Только долго размышлять об этом не удалось, впереди предстояло много дел. Ведь она – дочь вождя «Горных яков», следовательно, помощница и отрада своего отца Пуотса. Он хоть и грубил, но любил дочь одному ему известной любовью.

Вместе с матерью Жионой, девчонка вела учёт всей провизии, которую дуворы обменивали на другой товар. Кирма спешила в первый амбар, ведь так долго отсутствовала, бродя по базару, а ей ещё хотелось посетить пляски у костра под

тягучие напевы крестьян и звуки волынки.

С наступлением ярмарочных дней, город охватывали не только суматоха и гвалт, но и веселье. Развлечения приходились на вторую половину дня, когда товар частично распродан и выменян, а состязания выиграны. Тогда уже можно было вина выпить или эля и потанцевать; или же послушать различные легенды о древних войнах, заклинаниях шаманов и тайных книгах, о знатных прародителях и умении читать мысли и слушать природу – да обо всём, что происходило на континенте. За столами или на свежих срубках, любили посудачить и о жизни вообще.

Глава 3

Пока Бьуч метко стрелял из лука и зарабатывал золотое колечко, чтобы вставить в ухо, Ирим мечтал. Он желал ещё раз увидеть ту красавицу, которую толкнул, и получил совсем неромантическую затрещину. Парень ждал, что она придёт посмотреть на турнир, и всюду искал её глазами. Но как оказалось, напрасно. Девчонка так и не пришла, и бедному элли ничего не оставалось, как просто вспоминать её образ, сидя на примятой траве, привалившись спиной к одному из амбаров. Он вытянул и скрестил длинные ноги, и лениво покусывал травинку, устремив задумчивый взор прямо перед собой.

Она, как, в общем-то, и все дуворы, была маленького роста и плотного телосложения. Длинные рыжие волосы девушка заплетала в две толстые косы. Её орехового цвета глаза, обрамлённые тёмно-рыжими ресницами, смотрели прямо и нагло. Хотя, было известно, как прямолинеен этот народ.

Ирим видел перед собой взор прекрасной девушки. Напористость, храбрость и сила – читались во взгляде дуворки. Ирим хмыкнул, когда вспомнил, как нахмурила она широкие рыжие брови, и от этого пролегала между ними морщинка, а рот упрямо сжался в одну прямую линию, когда девица приготовилась к бою с тем, кто смел её потревожить.

«Воинственная дева и опрятная!»

В короткой куртке без подкладки, но с меховой опушкой по краю капюшона, девчонка выглядела гораздо взрослее, чем была на самом деле. Крепкие бедра обтягивали чёрные шерстяные штаны, заправленные внутрь меховых сапог до колен, на подошве из древесины. За спиной висел арбалет, а на поясе, касаясь ноги, свисали ножны с наточенным клинком.

«Дитя гор! – подумал Ирим».

– Друг, ну как я тебе?

Парень очнулся от раздумий и посмотрел на подбежавшего друга.

– Великолепно! – похвалил Ирим. Хотя не следил он за турниром, и даже не знал, кто на самом деле выиграл.

– Пойдём, сейчас Моджин будет бороться за поцелуй красавицы Ашимы, – позвал Бьюч.

– Что он будет делать? – не вникая в смысл слов Бьюча, переспросил элли. Он откинул покусанную травинку в сторону и нехотя поднялся на ноги, стряхнув с себя соринки.

– Как что? Пить эль. Кто больше выпьет, тот и победитель, – пояснил приятель, увлекая Ирима за собой.

Парни рассмеялись.

– Боюсь, что как только кто-то выиграет, ему будет уже не до поцелуев, и Ашима останется ни с чем, – пошутил Ирим. Он медленно переставлял ноги и озирался по сторонам.

– Нет, приятель, скорее выйдет иначе – как только победитель будет готов, Ашима быстренько его заграбастает се-

бе. Утром бедолага проснётся, а уже женат.

Элли снова засмеялись.

– Подожди, раньше она вроде награждала другое состязание? – спросил Ирим. – Или я путаю?

– Всё верно, – подтвердил Бьюч. – Видимо пользы никакой не было в поиске жениха, и Ашима решила поменять тактику. Всё, хватит шутить, пойдём вон туда.

Позднее, страстный Моджин так и не выиграл долгожданный поцелуй Ашимы, потому что выпил две кружки эля и пустился в пляс. В то время счастливый соперник допивал пятую порцию тёмного бодрящего напитка.

– А теперь пойдём туда, – Бьюч снова потянул за руку друга, уже направляясь в другую сторону.

– На ринге будет гладиаторский бой между гномом Лиссом и хоббитом Кношем. Наши парни уже там, – вещал Бьюч. Его глаза светились азартом, а длинные гибкие пальцы подрагивали в предвкушении необычайно жестоких зрелищ.

– Пойдём, – покорно согласился Ирим. Его-то как раз не прельщали такого рода развлечения. Элли был более романтичен, и раним, чем его приятель.

Молодые люди подошли ближе к арене, где разносились крики и улюлюканье, в ожидании бойцов. Зрители с нетерпением предвкушали начало боя и гудели как улей, подбадривая бойцов.

Кто-то из зрителей стоял с кружкой эля в руках. Двое гоблинов держали кувшинчики с вином. Хоббиты курили

длинные трубки, до половины набитые пахучим табаком. А были и такие, кто пересчитывал золотые монеты и рассовывал их по карманам. Делалось это для того, чтобы позднее провести время за игрой в кости. Это такие маленькие кубики, которые специально вырезали из костей животных и делали точки на каждой стороне. Потом эти мелкие отверстия заполняли капельками кипящей смолы, либо кровью животных.

Так вот некоторые азартные игроки заранее делали ставки на бойцов, кто выиграет схватку в два этапа в рукопашном бою. А после они напивались от досады, что проиграли что-то из своего имущества или накопленного состояния.

И пока под смачные удары, шлепки, брызги крови и слюны, шёл бой, в стороне от состязаний собралась группа более романтичных посетителей базара. Образуя круг, в центре которого все желающие могли прочесть стихи или рассказать историю из жизни, прижимали ладошки к груди восторженные почитатели поэзии. Ирим поспешил присоединиться к слушателям. Бючу ничего не оставалось, как последовать за другом. Ведь его романтическая натура заведёт опять в какой-нибудь закуток, дабы помечтать – и ищи его потом по всему городу.

Поэтический вечер был в самом разгаре, и в этот момент свой первый рассказ решила озвучить рыбачка. Она так проникновенно пересказала историю, которая произошла с её мужем, что некоторые собравшиеся прослезились. Женщи-

на тоже плакала, вспоминая пережитое, после которого они вместе с мужем изложили в стихах совместные переживания.

**Кидало лодку на волну и штормом уносило в море.
– Прости, любимая моя, что причиняю горе, –
Шептал рыбак и зажимал свой медный крест в ладони.**

**Его бросало и трясло. Убившись головою,
На миг сознание потерял. Носился ветер, воя.
Она стояла у окна, и рук не отнимая,
От замирания в груди, смотря в окно, шептала:
«Спаси же, Господи, его. Вернётся пусть живой.
Прощу за всё, не запрещаю. Свои грехи не скрою.
Всё расскажу как на духу я в храме пред тобою.
Спаси его, спаси, молю. Я верю, ведь живой.
Его люблю, его я жду, и дети наши тоже.
Спаси его, спаси, молю. Ты помоги нам, Боже».
А ветер лодку подгонял и накрывал волною.
Тут течь, там щель – не выгresti рукою.
Уткнулся нос и обломился, и в темени не разобрать
как, что.**

**Бок лодки накренился, есть миг и кувырок.
Уже рассвет, и мирно море задремлет в тишине.
Она ревёт, случилось горе. Душа горит в огне.
Он не вернулся. Его убило.**

– Любимый мой, ну, где же ты?

Вдруг стук. Порог. Дверь отворилась.

Скрип петель. Он ввалился.

Как из метели, вмиг поседевший и больной,

Ползёт с пробитой головой. Живой!

Она упала на колени, сначала Богу поклоняясь.

Потом вскочила, побежала – упала, в счастье растворяясь.

Итог таков – когда мы любим, по морю босиком пройдем.

Мы, много испытав, осилим. Невзгоды все переживём!

Закончив повествование, морячка поклонилась, а слушатели дружно захлопали в ладоши. Рыбачка вышла из круга и, утирая слёзы рукавом, встала в сторонке. В центр теперь заступил гном, слегка подтянул штаны, и без того державшиеся подтяжками из тонких переплетенных полос кожи, и погладил бороду. Мужчина важно осмотрел всех, хихикнул и пояснил, что стих сочинил сам, когда ухаживал за своей любимой девушкой. Однако выбор изменил и в жёны взял другую женщину, у которой борода короче, но гуще. Только стих в памяти и остался, и им непременно нужно поделиться с благодарными слушателями.

Средь далёких комет,

Где сливается небо,
По далёкой звезде
Я тебя отыщу.

Знаю, ты где-то там,
Где кончается лето.
И туда, за мечтою,
Я тоже пойду.

Как живём?
Никому нет секрета при этом.
И когда угасает наш путь —
Суть теряем, оставляем ответы.
Главного только, увы, не вернуть.

Средь далёких комет,
Где нет горя, нет смеха,
Промелькнёт луч надежды
Сквозь тучи.

За звездой, что на небе,
Где не видно запрета,
Путь далёкой кометы
Осветил предначертанный путь.

Так живу, среди вето,

**Где так мало мне света,
Без тебя, без любви,
Молинту.**

**Ты прости.
Отыскать не сумел я,
Глаз твоих света.
И остался
С Айссинту.**

Закончив чтение, гном величаво поклонился и, перебирая коротенькими ножками, куда-то поспешил.

А рассказ уже начал хоббит, излагая свою встречу с горным козлом посреди лесной тропинки. Бьюч зевал и осматривал толпу, а Ирим собрался слушать дальше, скрестив руки на груди.

Через некоторое время подошли соплеменники и позвали устраиваться на ночлег. Бьюч обрадовался такой перспективе и поволок за собой Ирима.

Таким образом, элли провели четвёртый день базара. Когда солнце скрылось за очертаниями горы, парни вышли за ворота городка, и, обойдя палатки крестьян, с их пожитками и товарами, углубились в чащу. Выбрав пригорок чуть дальше за молодыми деревцами Олиствы, они разместились на ночлег под открытым небом. В городе было несколько приличных таверн с уютными комнатками и мягкими постеля-

ми, но элли на чужой территории предпочитали спокойно разместиться поодаль. Тем более, священная Олиства служила своего рода границей между двумя племенами, живущими на одной горе. А именно, между дуворами, что обитали на вершине, и элли, ютившимися у подножия. Племенам досталась широкая полоса чудесного целебного леса, чтобы ни у тех, ни у других, не было ни обид, ни жалоб.

Наступившее утро следующего дня было пасмурным. Элли вернулись на базар, собрали свои приобретения, мирно попрощались со всеми знакомыми и отправились в путь. Они торопились обратно к подножию горы, где их ждали родные, к привычной жизни и занятиям.

Ирим услышит высказывания женатых собратьев, что нужно жениться. Мать будет журить, мол, пора остепениться и не пропадать всё время в лесу. Отец выскажется, что следует приступить к работе и стать его помощником. А вождь начнёт грозить, что поставит у столба позора, если элли не станет обучаться ремеслу. И никто из них не попытался глубже заглянуть в его душу, понять и принять таким, какой он есть. А быть может, в чём-то помочь.

Обратная дорога заняла чуть дольше времени, потому что было приобретено больше, чем задумывалось вначале. Ноша оказалась тяжела и неудобна, поэтому мужчины всю дорогу молчали, а переговаривались, останавливаясь для очередного привала.

Промелькнуло несколько дней. Их путь домой оказался

спокойным, и когда спуск преодолели, Бьюч занялся делами. Необходимо было рассортировать провизию, вино, специи; смазать и складировать оружие; и много чего другого переделать, обычного и привычного, в его повседневной жизни.

Ирим заглянул к матери. Она занималась приготовлением пищи, но немного отвлеклась и поговорила с сыном о ярмарке. Тот узнал новости клана и ушёл. Его путь лежал в лес. Там было его убежище, приют для одинокого тоскливого сердца.

Парень был весел при остальных соплеменниках, шутил, подкалывал друзей, разыгрывал их. Часто вместо эля подливал в кувшин речной водицы с плавающими мальками. Порой писал эллийке записку о страстной любви от имени другого парня и подкладывал признание обоим. Те выясняли, что к чему. Много различных проделок на счету юного элли. Сам он, когда понимал, что его вычислили, скрывался на поляне. Парень целыми днями без дела лежал в траве. Он мечтал о вольной жизни, без обязательств и обещаний, чтобы не ссориться и не спорить, а тихо и мирно существовать дальше среди листвы, ветра, воздуха. Ему хотелось раствориться в природе и проявиться росой на траве, одуванчиком по ветру, молнией, что прорезает тёмное небо. Тесно ему среди братьев. В душе он вольный, как ветер. И заложив руки за голову, Ирим спокойно разглядывал проплывающие причудливой формы облака, и сочинял рассказы и истории. Понимая язык цветов, элли подолгу сидел на лугу и болтал с

ними. То расскажет грустную выдуманную историю пурпурной лилии, то пошутит с белым нарциссом. Часами ругался с зайцем, а потом прыгал по веткам – у него особенно ловко это получалось, будто летал среди деревьев. А, напрыгавшись, садился в тени раскидистого дерева и сочинял шуточные песни.

**Ой, трунь-трынь, я лихой.
Ой, трынь-трунь, с головой
Окунусь в озеро.
Ой, трунь-трынь, дурень я.
На базаре плясал.
По деревьям скакал.
А на озере том,
Увидал и пропал.**

**Трунь-трунь-трунь,
Не беда.
Трунь-трунь-трунь,
Что в глаза,
Трунь-трунь-трунь,
Смотрела.
Трунь-трунь-трунь,
За собой позвала.**

Ой, трунь-трынь, я лихой.

Ой, трынь-трунь, и немой.
Ой, трунь-трынь, на реке
Повстречался я с той.
Чудо русалка плыла,
За собой позвала.
Я нырнул с головой.
Ой, трынь-трунь, я живой.

Трунь-трунь-трунь,
Не беда.
Трунь-трунь-трунь,
Что в глаза,
Трунь-трунь-трунь,
Смотрела.
Трунь-трунь-трунь,
За собой позвала.

Выплыть я не сумел,
Так в реке и шумел.
Ой, трынь-трунь, не живой.
Ой, трунь-трынь, с головой
Нахлебался воды.
Меня вынула ты
Из зелёной тины.
Подарил я цветы.
И повел за собой,

Будешь мне ты женой.

**Трунь-трунь-трунь,
Не беда.**

**Трунь-трунь-трунь,
Что в глаза,**

**Трунь-трунь-трунь,
Смотрела.**

**Трунь-трунь-трунь,
За собой позвала.**

Комфортно Ириму среди живой природы, но не среди безликой массы соплеменников, которые только и делают, что укоряют и пытаются укротить его вольный нрав.

«Не понимаю, почему? За что недолюбливают меня в общине?»

Глава 4

– Кирма, ты куда собралась? – окликнула мать, когда девочка направилась в сторону леса с небольшим мешком в руках.

Дуворка замерла, на ходу придумывая отговорку. Ещё ни разу она не попадалась на своих отлучках. И вот он – неудачный момент.

– Мам, я хочу прогуляться в лесу, немного отдохнуть. Сама знаешь, как утомляют базарные дни. Я устала от суеты, – пояснила Кирма. Она едва сдерживала порыв убежать, но уважение к матери не позволяло этого сделать.

– А мешок тебе для чего? Что там? – выводывала Жиона. Она ошпылила перепёлок для рагу с овощами, и рукавом смахивала пот, струившийся по лицу из-под тонкого соломенного платка.

– Я взяла лепёшку и яблоко. И коврик, чтобы полежать. А то противные муравьи напоззут и покусуют.

– Иди, – разрешила мать. – Смотри, не долго. Скоро стемнеет, и отец сядет ужинать. Сама знаешь, как он не любит когда кто-то из нас опаздывает за стол.

– Да, я не долго, – пообещала Кирма. Медленно шагая, она обернулась, не смотрит ли мать. Убедившись, что никто больше не наблюдает, девушка ускорила шаг.

Вначале она прошла среди пролеска и поляны, где недав-

но ночевали элли после базарного дня, потом углубилась в чащу сосен и елей. Хвоя мягко проминалась под тяжёлыми шагами дуворки. Сквозь крону деревьев проглядывалось чистое синее небо, и подмигивали слепящие горячие лучи солнца. Денёк выдался особенно жарким. Только это не радовало Кирму. С каждым шагом её сердце тревожно сжималось.

«Как там мой маленький? – думала она. – Я не приходила к нему уже четыре дня, не кормила и не поила его. Ему страшно без меня. А вдруг его украли и съели?»

Эти вопросы наскакивали один на другой, в обеспокоенных мыслях спешащей девушки. Она уже бежала, не замечая хлеставших веток по лицу и телу. Чтобы хоть немного расчистить себе путь, дуворка остановилась и подобрала сухую дубинку, которую сама же здесь и оставила. Оружие девушка редко брала с собой, потому что знала каждую тропу в этом лесу. Она попрыгала достаточно добра в разные места. Например: вон там, в дупле припрятан кинжал. А там, в небольшой насыпи из хвои, заботливо укрыта булава. В случае нападения, защититься было чем.

Кирма подобранной дубинкой раздвигала густо переплетённые веточки кустарников. И вот она оказалась на месте. Рядом заветная кучка лапника, выложенная невысоким конусом. Дуворка опустилась на колени перед этой нехитрой берлогой из валежника и бросила мешок, а следом дубинку. Слегка отодвинув сосновую ветку, девчонка заглянула

внутри. Её маленький найдёныш крепко спал. Малютка гиппогриф согрелся в своём укрытии, и теперь набирался сил и подрастал.

Кирма нашла этого кроху, когда бродила по лесу и охотилась на зайцев, расплодившихся в этом сезоне особенно много. Эти пушистые негодяи пробирались в амбары и поедали всё, что радовало их глаз. Когда девушка кувырком скатилась с очередного пологого холма за добычей, тогда и обнаружила детёныша гиппогрифа. Видимо, полуконь отбился от своего стада, когда спасался от стаи грифонов, которых дуворы выпускали охотиться на диких степных лошадей.

Грифоны, существа хоть и разумные, но один недостаток портил их – предпочитали питаться лошадьми. Выносливые животными с телами львов имели крылья, покрытые перьями, и передние конечности, подобие орла. Они не разговаривали, зато испускали крик, почуяв опасность или при захвате добычи.

Гиппогрифы же – безобидные полукони – полугрифоны. Гордые, красивые существа с огромными блестящими глазами, будто апельсины, были слишком ласковы и доверчивы. Они не выносили грубых обращений к своей персоне. За выживание им постоянно приходилось бороться с грифонами и скрываться от племени дуворов, которые не почитали их.

При встрече с дуворкой малютка гиппогриф забавно хлопал испуганными апельсинными глазёнками. Кирма налетев на него, выставила вперёд арбалет, чем ещё больше перепу-

гала кроху. Да только дрогнула рука юной охотницы, а сердце сжалось от жалости к этому ни в чём неповинному существу. Она не только не убила его, но и соорудила берлогу. Девчонка старалась навещать бедолагу как можно чаще, выхаживая, и давая ему право выжить. Всякий раз, она приносила своему питомцу лакомые гостинцы: то зайца, то крысу, а то и мясо молодого бычка. Малыш был благодарен такой заботе и при встрече радостно раскрывал свой стального цвета клюв, чтобы принять угощение. Передними лапками он забавно цеплялся Кирме за пальцы, при этом хлопал маленькими слабыми крыльями и перебирал задними копытцами.

В очередную их встречу, Кирма не стала будить любимца. Она села на землю, раскрыла мешок и принялась доставать угощение. Из-за страха за маленького гиппогрифа, девчонка потеряла чувство уверенности, и потому не уловила лёгкие, почти парящие шаги постороннего. Чужак бесцеремонно забрёл на территорию племени дуворов.

Бесшумно ступая, надвигался элли на юную охотницу, которая сидела спиной к тропинке. Ирим в этот день был особенно невнимателен. В растерянности чувств он ходил по тропинкам и слушал лес. Каждый листочек, каждая хвойная игла, были заняты своими делами. Они болтали о пустяках и отчаянно флиртовали. Некоторые игрались с шаловливым ветром, который так и норовил оголить стыдливые стволы подружек. Элли слушал их и грустно улыбался. Он уходил

вперёд и возвращался назад, крутил головой, шевелил ушами и принюхивался. Не замечая ничего не обычного, кроме запаха гиппогрифа, юноша внедрился на чужую территорию. Где-то позади него ухнул филин. Элли обернулся и попытался найти птицу взглядом, а сам пятился, пока не оступился и не повалился на что-то мягкое и нежное.

«Какое знакомое ощущение!»

Элли быстро развернулся и приземлился на спину.

Что-то мягкое зашевелилось, схватило дубинку и ударило его по непутёвой голове.

«Дуворка! Красавица!»

Парень потерял сознание. Очнулся он чуть позже, когда почувствовал дуновение ветерка. Распахнув бирюзовые глаза, юноша увидел перед собой прямой ореховый взгляд. Девочка склонилась над ним и дула на выпирающую шишку, образовавшуюся на лбу элли.

– Чего дерёшься? – возмутился парень. Он попытался встать, но снова повалился на землю.

Удар девицы получился отменным, и теперь неудачливому бродяге придётся отсвечивать перед своим племенем чудесным, прямо посреди лба синяком.

– А ты чего под ноги не смотришь? – парировала Кирма. Она стояла на коленях и осматривала его бледное лицо. – Я у себя дома, что хочу, то и делаю. А вот ты, зачем сюда вернулся?

– Запомнила! – обрадовался элли. Он продолжал лежать,

заложив руки под голову и рассматривая рыжеволосую хулиганку.

«Я точно уже встречал эту девчонку, но где?»

– Тебя, растяпу, разве забудешь? Постоянно толкаешь меня, – возмутилась красавица. Она вскочила на ноги и стряхнула с коленей пожелтевшую хвою.

«Кого-то он мне напоминает? Вспоминай, Кирма, где ты видела этого парня раньше».

– А может, это судьба? – пошутил Ирим, отвлекая девчонку от раздумий. Он повёл носом.

В воздухе пахло ягодами и грибами, покрытыми вечерней росой. Мох отдавал плесенью и перебивал этот запах. Но в целом, это несколько не испортило свежести вечнозелёного леса. Почву кое-где укрывал роскошным малахитовым покрывалом папоротник, разросшийся во все стороны. Его крупные нежные ветки только на вид казались хрупкими. На деле же, его листьями можно покрыть крышу лесной временки.

– Иди, ты, – посоветовала девушка. Она злилась в шутку, и делала вид, что осматривает местность.

– Не обижайся на меня. Я ведь не нарочно толкался. И не думал тревожить тебя, – примирительно произнёс парень. Он сидел на земле, подогнув колени и обхватив их руками.

– Да знаю я. И ты не обижайся. Я уж подумала, не орши ли объявились. Военные действия мне совсем ни к чему, – пояснила Кирма.

– О! Ты точно узнала бы орши, – заразительно рассмеялся парень.

– Ты прав, – улыбнулась дуворка. – Что ты здесь делаешь?

– Я гулял, но в этот раз зашёл далеко. Люблю лес, и почти что живу в нём. Мне здесь легко и спокойно. Я уйду, – пообещал Ирим и поднялся на ноги. Он уже собрался идти, когда незнакомка схватила его за рукав.

– Не торопись, я не гоню тебя, – произнесла дуворка. Она смутилась и быстро отвела руку за спину. – Об этом месте никто не знает. Я, как и ты, люблю тишину и покой. Вот и прихожу сюда частенько. Недавно у меня появился детёныш, и теперь я сбегаяю его навестить.

– А почему твой ребёнок живёт здесь, а не дома? – недоумевал элли. Он чуть отошёл от дуворки и привалился плечом к тонкой ольхе.

– Ты не так всё понял. Смотри сюда, это питомец, – девушка раздвинула лапник, оттуда на них смотрел малютка гиппогриф. Он испугался громких разговоров и дрожал всем телом.

– Ого! – вымолвил элли, наклоняясь вперёд и рассматривая найдёныша.

– Я его нашла, когда охотилась. Домой взять нельзя, поэтому прячу здесь. Когда он подрастёт, улетит, – произнесла с грустью в голосе девушка. Она поманила детёныша к себе.

– Ты добрая! – похвалил парень.

– А ты? – спросила Кирма у элли, когда гиппогриф вышел

из берлоги.

– А я – шалопай, – широко улыбаясь, пояснил Ирим. В его глазах промелькнула тень глубокой печали. Хоть парень и не подавал вида, но дуворка успела заметить за его показным весельем грусть.

– Как это? – удивилась Кирма. Она сейчас гадала про себя, чем так озабочен этот юноша.

– Да никак. Я не хочу жениться и не хочу работать. Сам не знаю, чего хочу. Только в лесу мне комфортно. Только соплеменникам этого не понять. Они всегда ругают меня, – вздохнул Ирим и присел перед гиппогрифом на колени, погладив перья на его голове. Тот радостно заворчал и прижался всем телом к тёплому, пахнущему лесом юноше.

– Не переживай. Просто не пришло твоё время. Чуть позднее, ты обязательно найдёшь своё место, – попыталась как-то подбодрить Кирма. Ей нравился этот юноша. Она чувствовала себя рядом с ним увереннее, ведь он подкупал своим чудаковатым характером.

– Что же, раз я нагло вторгся в твой уголок, давай знакомиться. Я – Ирим.

– А я – Кирма, дочь вождя Пуотса!

– О! Тогда тебе не пристало со мной водиться. Я из бедной семьи, – пояснил Ирим и опустил взгляд.

– И что же, ты не достоин общения?

– Ну, не знаю. Может, ты не захочешь теперь говорить со мной.

– Не глупи, парень, я не принцесса. Лучше помоги мне покормить малютку Якса.

– Красивую ты ему кличку придумала! – похвалил элли. Он взялся за мешок с пищей для питомца и раскрыл его.

Кирма усадила малыша к себе на колени и гладила его пушистые перья, в то время как Ирим угощал детёныша.

Чуть позже, когда они погуляли с Яксом и отвели того в убежище, Ирим вызвался проводить девушку до опушки.

– А тебе не пора возвращаться? – интересовалась девушка. – Путь назад не близкий.

– Нет, не пора. Я никуда не тороплюсь, – ответил Ирим. Он вышагивал рядом, такой статный, высокий, серьёзный, что Кирма начала немного терять суть разговора рядом с ним. В её сердце зарождалась тревога.

– А мне вот запрещено задерживаться. Отец у нас строгий, – поделилась дуворка. Она смотрела на Ирима, на его светлые гладкие волосы, на длинные ресницы и хмурые брови, и краснела.

– У вас? – переспросил элли, делая вид, что не замечает заинтересованный взгляд собеседницы.

Кирма удивленно взглянула в его глаза и не сразу сообразила, о чём идет речь.

– У меня есть сестрёнка, – опомнилась дуворка. – Она ещё маленькая, поэтому я не беру её в лес. За ней нужен глаз да глаз, а я сама люблю по сторонам повертеться. Однажды, когда была маленькой, я попала в страшный переплёт. Ме-

ня пытались поймать дети орши. Я теперь понимаю всю серьёзность такой ситуации, и никуда не пускаю сестру. В тот раз мне помогли мальчишки племени элли, они прогнали тех мальчишек и помогли мне вернуться в лагерь.

– Той озорной малышкой была ты? – заразительно засмеялся Ирим. – Как же, как же, помню, как тогда сверкали пятки дикарей. А я всё думаю, где видел такую красавицу раньше. Эти чумазные щёки и взъерошенные волосы я часто вспоминал

– Скажешь тоже, – смутилась Кирма. – Тогда я была веснушчатой разбойницей, а сейчас я уже взрослая.

– Сколько лет твоей сестрёнке и тебе самой?

– Пять лет, – ответила Кирма. – А мне тринадцать. Через год отец выдаст меня замуж, а Риссу начнут обучать взрослым премудростям.

– Вот как?! А я у родителей один.

– А сколько тебе лет? – поинтересовалась Кирма, рассматривая хвою под ногами.

– Скоро исполнится четырнадцать. И я уже год, как должен быть женат, – поведал Ирим и замолчал.

– Спасибо тебе за моё спасение, – улыбнулась девчонка. – До сих пор вспоминаю тот случай, и меня пробирает страх. Орши были ещё совсем маленькие, а какие свирепые.

– Не бойся их. Вообще никого не бойся. Страх плохой союзник, – подбодрил Ирим собеседницу и замолчал.

Молча, они прошли немного, потом парень нарушил ти-

шину.

– Кирма, можно я буду приходить к тебе? Помогу с Яксом, и погуляем по лесу. Здесь протекает речка. Она шире нашей, и должно быть, в ней больше рыбы. Я смог бы тебя научить её ловить.

– Рыбу? О, это интересно! До этого я никогда рыбу не ловила, – обрадовано пояснила девушка. Она теперь смотрела перед собой, сосредоточив взгляд на густых зарослях боярышника и калины. Их спелые рдяные ягоды оттягивали ветки к земле и постепенно опадали. Немного похолодало и в воздухе запахло тиной. Раскричались лягушки, заглушая разговор.

– Вот будешь рыбачить, и кормить Якса, – громче обычного произнес элли.

– Ирим, конечно, приходи. И не только из-за рыбы, – улыбнулась дуворка и подняла на него задумчивые глаза. – Просто так приходи, гулять. Я бываю здесь на закате. Так легче из лагеря улизнуть.

– На закате? – Ирим задумался.

– Что такое? Родители не отпустят? – пыталась шутить девушка. Только прозвучало это нелепо и скомкано.

– Обычно на закате дня наше племя устраивает посиделки. Мы общаемся между собой, слушаем рассказы старших, делимся тем, как прошёл день. Но ничего, я всё устрою. Кирма, я обязательно приду к тебе через три дня! – пообещал Ирим. Он остановился напротив девчонки и прямо посмот-

рел на неё, отметив, как забавно рассыпались по её смуглому личику веснушки.

Парня привлекало в облике собеседницы совершенно всё: как она морщила носик; и упрямо сжатая линия губ; рыжие, чуть косматые брови. Дуворка оказалась милой и смешной собеседницей. Это сильно озадачило элли.

– Я буду ждать тебя, Ирим! – воскликнула Кирма, смущённая под пристальным взглядом нового друга. Она улыбнулась и, не оборачиваясь, пошла вперёд. Её сердце учащённо билось, а ноги дрожали.

Девушка старалась не оступиться и удалиться гордо, потому что понимала – парень смотрит ей в след. На душе у Кирмы сделалось беспокойно, а на глазах проступили предательские слёзы. Она почему-то волновалась. В душу закрался испуг, что элли не придёт вновь, не поговорит с ней, не пошутит. Быть может она совсем не понравилась ему в общении, краснела и молчала, как чудачка. Именно теперь девушка осознала, как она одинока без тёплого и искреннего общения. Она шла вперёд, а сердце осталось где-то позади, где среди ветвей остался силуэт чужака.

Элли захватил горсть осыпавшейся хвои, подержал в ладони и медленно разжал кулак. Ему на сапоги посыпались сухие иголки. Как и его мысли, которые рассыпались под ореховым взглядом рыжеволосой колдуньи. Ирим развернулся и пошёл в сторону своего посёлка.

Вниз по склонам, которые покрывал изумрудный пушок,

тянулся туман. Дымка окутала тонким кружевом холмы, засыпанные разноцветной мозаикой цветов.

Вдоль красивой реки Горуни элли прошёлся не спеша, и несколько раз останавливался, рассматривал полевые цветы. Парень не понимал, что с ним произошло. Ему сделалось тоскливо, уже после посещения базара, а теперь и вовсе яркая радуга потеряла свой сочный цвет, окрасившись серыми полосами. Раньше он находил радость в уединении с природой, сейчас же – наоборот, одиночество угнетает.

«Я не понимаю, что со мной происходит. Где мне искать покой? Чем себя утешить? Загадочная улыбка дуворки, – подумал элли, – ранит вглубь сердца. Отливающие медью, блестящие волосы так хочется выпустить из плена заколок, чтобы они рассыпались по коренастым плечам. А глаза! У неё волшебный взгляд: смотришь и тонешь. И ухватиться-то не за что, чтобы не погибнуть. Всё-таки я не ошибся, и виделись мы с ней ранее. Только теперь воздух вокруг стал гуще и не могу им надышаться, а краски мира потускнели. Кругом туман. Может, я стал старше, и какой-то необъяснимый момент проскочил мимо меня? Чего мне не хватает? Душа противно ноет».

Одно только Ирим понимал точно, что он пойдёт к ней.

«И не один раз пойду, а буду навещать своих новых друзей как можно чаще. Пусть буду прогуливать общинные посиделки – не важно. Не так уж я нужен народу, с которым живу по соседству».

На такой грустной ноте вернулся парень домой. Небо укрылось темнотой, и на его бархате рассыпались жёлтые искры.

Мечты мечтами, а планами и стремлениями распоряжается кто-то другой, тот, кто на небесах. Он смотрит сверху и решает за нас.

Так получилось, что молодые люди встретиться смогли лишь спустя долгое время.

Глава 5

В клане дуворов объявили, что из тайника вождя пропал золотой клык их древнего предка. Именно об этом шамане гласит древняя легенда. Никто в племени не знал, что тайник вообще существует, кроме вождя. В лагере произошёл страшный переполох: обыскивали всех жителей без исключения; допрашивали; уговаривали; угрожали. Сам Пуотс был в отчаянии.

– Неужели в лагере появился предатель? – рычал он, вышагивая из угла в угол. – Кто-то начал воровать? В моём же доме творится беззаконие.

– Может, дело касается магии, в которую ты отказываешься верить? – спросила Жиона, сидя на скамье. Она наблюдала за терзаниями супруга, и строила догадки касавшегося случившегося. – Тогда исчезновение произошло странным путём, противоестественным. Может так случиться, что через несколько тысячелетий клык вернулся туда, где его истинное место.

– Но как такое возможно? – обратился свой взор на супругу озадаченный вождь дуворов. – Как узнать правду? Исчезновение может повлечь за собой нехорошие последствия.

– Нужно искать, но где?

На эти вопросы вождь не находил ответов. За помощью он обращаться не спешил, но усилил караул возле городских

ворот и потайной калитки. Громовой голос надеялся, что вор не успел сбежать, и через некоторое время попадётся.

Главные ворота заперли на верхние чугунные засовы, которые невысокие стражники могли сдвинуть, лишь взобравшись на специальные переносные лестницы. Город оказался заложником своего же государства, а его правитель немного успокоился, полагая, что поступил правильно.

Пока двуоры сидели взаперти, их соседи решали совсем иные проблемы.

На элли напали орши. Дело было утром. Когда жители расходились каждый по своим делам, в посёлок ворвались лохматые монстры. Было их трое. Остановившись у ворот, они осматривали территорию налитыми кровью глазами. В их раздутых ноздрях торчали кольца. Давно не мытые волосы, заплетенные в косы, покрыл слой пыли, осевший и на могучих плечах. Розового оттенка страшные лица, перепугали малышей элли. Дети умчались по домам, разбросав тряпичных кукол и початки варёной кукурузы, которой лакомились до вторжения. Их побег прикрыли спинами растерянные взрослые, которые встали на защиту посёлка. Злобно рыча, орши высматривали кого-то из толпы, потрясая крупными кулаками. Их рубахи давно истерлись и растрепались, а кольчуга поржавела, но это их несколько не заботило. Они не нуждались в защите своих огромных туш, потому что были сильны и дерзки. В бою им не было равных по части озлобленности и метания булавы. На том и держались, само-

надеянно полагаясь на свой устрашающий вид.

– Что вам нужно? – спросил вождь клана. Визитёры застали его совершенно случайно, потому что Аркял собирался посетить хоббитов и окончательно решить вопрос о поставке провизии.

– Тени леса, сдавайте свои позиции, – закричал самый высокий орши. Он сделал несколько размашистых шагов вперёд и занёс над головой топор. – Мы пощадим вас и не прогоним, если будете работать на нас.

– Это вы только что придумали? – спросил Аркял.

– Мы хотим всё решить без крови, – ревел орши. Он тяжело дышал, а в уголке его рта собралась слюна и медленно стекала по подбородку.

– Как-то не похоже это на варваров, которые ежечасно кого-нибудь убивают. А вожак-то в курсе ваших заявлений? Почему не пришёл он сам? – Дикий вопль изображал спокойствие и уверенность в себе.

– Вы окружены. Как только мы разделаемся с вашими шкурами, войдёт и наш вожак, – орал всё тот же орши.

– Чего же так кричите, гости дорогие? – безоружный вождь элли стоял в пяти шагах от вояк.

Аркял переодевался в тот момент, когда недруги ворвались на территорию эллийского народа, и не успел взять что-либо из оружия, а выскочил, наспех накидывая плащ. Дикий вопль не желал выказывать своего страха перед убийцами и чувствовал, что отщепенцы лгут. Старейшина тянул время,

чтобы выправить ситуацию.

«Это обычные бродяги, которые снуют в округе в поисках беззаботной доли, – размышлял вождь, – но они самые опасные. У орши нет мыслей, нет чести и не бывает страха. Они надеются только на свою непобедимость. Их никчёмные жизни им совсем не нужны. А могли же существовать иначе».

Аркял уже осознал, что без крови не обойтись. Она вот-вот прольётся, по капле покидая чью-то жизнь.

«Прихоть дикого племени, которые живут по своим законам не подчиняясь никому, никого не жалея и не неся ответственности за деяния, слишком дорого обходится многим народам, – подумал вождь элли. – Они хотят всё и сразу, но, с этим нужно срочно что-то делать».

– Мой вам совет, идите с миром, и я забуду о вашем плохом поведении, – произнёс вождь «Теней леса».

За его спиной собрались сотни элли, чтобы отвоевать свой дом, защищать детей и отстаивать честь старейшин.

Вокруг них порхали пятнистыми тонкими крыльями бабочки, носились шмели и кружили дикие пчёлы. По нежно-голубому небосводу неслась огненная колесница, и ангел щедро пускал на ходу горячие стрелы. Деревья, укрывшись изумрудным сарафаном листвы, шелестели, и перешёптывалась сухими губами с бойким, невидимым любовником. Под ногами испарялась роса, прозрачными капельками рассыпанная на рассвете. Вокруг царил покой, но не на этой по-

ляне. Там стояли воины, готовые в любую секунду сойтись в смертельной схватке.

Молчали все. Слышался только хор сердец, возносящих молитву небесам. Грудь каждого присутствующего тяжело вздымалась, а по телу бежали мурашки. Мёртвые позы, но живая готовность ринуться в бой отражалась во взглядах элли. Тупое упрямство читалось на лицах варваров. Поединок взглядами продолжался бы и дальше, но орши не обладали терпением.

– Ты нас запугиваешь? – Рывкнул после длительного молчания дикарь. Он резко выскочил вперёд и рубанул в воздухе ржавым кистенем. Ударив по руке вождя, он раздробил тому пальцы. Второй орши метнул копьё в толпу и попал эллийке между глаз.

В варваров полетели свистящие стальные стрелы, сея смерть. Кто-то из элли успел оседлать толстые ветки дуба, а кто укрылся за насыпью из опилок. Прятались везде, но не в домах. Народ встал на защиту своего клана.

Начался хаос. Стрелы шелестели и находили мишень. Элли как разъярённые львы рванули вперёд, преграждая дорогу косматым сторбленным дикарям. Орши бесстрашно валили напролом, размахивая булавами и попутно метая копьё. Им ловко удавалось нападать, будто вместо двух рук, они управлялись дюжиной лап. Старый элли отразил град ударов и распорол надвое кольчугу неприятеля, успев при этом ранить его. Орши зарычал и кинулся на старика. На помощь одному,

подоспели двое крепких элли. Сбить темп нападения им всё же удалось, перебив нападающему руку. Нанесённой обиды орши простить не мог, и, замахнувшись, кулаком сломал нос противнику. Добить соплеменника не позволил второй элли. Он моментально всадил меч в бедро одурманенного монстра.

Ирим увидел сражение, возвращаясь с лесной чащи, куда ходил по просьбе матери за ягодами для сладкого пирога. Не раздумывая, парень отбросил миску в сторону, схватил лук и принялся метать стрелы. Натёртые жгучим диким перцем наконечники нашли свою мишень. Страшный вопль огласил округу, когда он ранил орши в грудь. Дёрнувшись в конвульсиях, враг притих.

Третьего монстра пронзила мечом мать Ирима – Мирателла. Воин упал замертво, даже не шелохнувшись.

Много горя посеяли в тот день злодеи, что даже старшие женщины взялись за оружие. Ирим смотрел на мать и удивлялся. Никогда он не замечал за этой тихой, степенной женщиной страсти к боевым искусствам.

Как только повалился третий нападающий, наступила оглушительная тишина. Элли начали собирать раненых и уносить врачевать. В их племени не многие умели выхаживать больных, хотя хвоя Олиствы помогала исцелить любой недуг. Пока знахари занимались пострадавшими, соплеменники осматривали место сражения на причинённый ущерб.

Бьуч отыскал вождя и помог ему дойти до жилища. У Ар-

кля оказались раздроблены суставы на руках, зияющая рана в боку и на животе. Тщательный осмотр показал, что лечение будет долгим. Раны зарубцуются быстрее, а вот кости на руках придётся связывать шёлковыми нитями. Пока Дикому воплю делали примочки, он распорядился скинуть трупы варваров с острой скалы на конце леса. После перевязки, вождь вышел к народу и ободрил их словами поддержки, после чего отправил Бьюча и Ирима, как самых молодых и шустрых, на разведку к поселению дикарей.

Теперь Дикий вопль не мог принимать участия в каком-либо деле, но приказал жителям немедленно заняться укреплением лагеря. Оборону было необходимо не просто усилить, но и поставить часовых по периметру вырытых рвов. По крайней мере, пока не вернутся разведчики, и не доложат, как обстоят дела.

Ирима озадачило данное поручение, но прекословить, он не смел ввиду сложившихся обстоятельств.

Элли провели у лагеря оршов две недели. За это время они несколько раз чуть не попались на глаза вожаку орши. Спасало то, что парни отлично лазали по деревьям и маскировались под листву.

В отряде орши, на удивление, было спокойно как никогда. Каждый новый день повторял предыдущий. Вскоре их вождь собрался в поход. Его лазутчики обнаружил маленькую деревушку, где жителей насчитывалось несколько семей. Захватить их жилища, было делом не хитрым. Таким образом,

орши получали в пользование новые земли, и приобщались к осёдлому образу жизни.

– Мы создадим своё независимое государство! – вещал на совете Зодон. – Только придётся повременить с переходом, потому что зарядили ливни.

Но межсезонные ливни затянулись, и нетерпеливый вожак не стал более ждать. Он собрался в путь для осмотра облюбованного места.

Элли теперь могли вернуться домой. Ирим очень тосковал по своей подруге и с нетерпением ждал встречи, но вернувшись в лагерь, им пришлось его охранять.

– Новость о том, что вожак орши уходит, означает одно – в отряде снова начнётся вседозволенность, – рассуждал Аркял, поглядывая на лазутчиков. – Охранять нужно посёлок, обязательно, охранять.

Как оказалось позже, боялись не зря. Ещё две атаки пришлось отражать племени элли, с разницей в один день. В первый раз один варвар чуть не утащил эллийку. Тогда его проткнул мечом разъяренный суженый девушки. Во второй раз, два дикаря решили попытать судьбу и пробраться на территорию чужого племени. Один орши пытался схватить мальчика, только сам упал в ров, где сломал ногу. Там его и закололи кинжалом. А второго поймали уже в лагере, когда он душил старика.

После таких событий элли ждали нападения ещё восемь лун, но наступил покой. Тогда Аркял принял решение, осла-

бить оборону.

Кирма тоже расстроилась положением дела в их племени. Ей приходилось под любыми предлогами отлучаться из посёлка, но только днём. Она перелезала через высокие стены каменного забора и мчалась к Яксу, чтобы накормить и выгулять его. Девчонка долго раздумывала, как сообщить новому другу, что не забыла его, но ничего на ум не приходило. Она спешила домой, но всякий раз оборачивалась, надеясь увидеть насмешливый бирюзовый взгляд.

Глава 6

Едва дождавшись обеда, Кирма принялась за свои дела вне дома. Она стянула для питомца большой кусок мяса из кухни. Якс значительно подрос, и ему требовалось ещё больше еды для насыщения. Потом девчонка оттащила мешок с пищей к воротам лагеря, укрыла его горой валявшихся мелких шкурок, и помчалась помогать матери.

Отец немного успокоился, что священный клык пропал, списывая это на магию. И так как сам не верил в шаманов и магов, а больше рассчитывал на свою силу, ум и выносливость, то постепенно ослабил жестокую хватку власти. Он разрешил жителям выходить за пределы городских ворот, посещать соседние племена. Теперь девчонка могла беспрепятственно отправляться в лес на прогулку.

В тот день Кирма бежала, поглядывая сквозь ветви леса, как клонится солнце к закату. Она даже два раза упала и испачкала нос в глине. Когда девушка достигла нужного места, её боевой дух иссяк. На поляне не было долгожданного друга. Присев на землю, Кирма обняла своего непослушного гиппогрифа и заплакала. Никогда до этого момента она не плакала. Даже когда отец жестоко наказывал её за детские шалости. А тут вот раз, и растрогалась. Её сердечко истосковалось по элли, по их беседам и прогулке. Она вспоминала его взгляд, глубокий и мудрый, но он как-то тускнел в памя-

ти; его голос с лёгкой насмешкой постепенно затихал. И что самое странное, ей хотелось заключить парня в свои объятия и не отпускать уже никогда, только бы его образ окончательно не растаял.

Она тихонько всхлипывала и тёрла перепачканный нос, когда возле её уха появилась рука с цветком необычайной красоты. Пурпурный цветок с заострёнными лепестками источал сладкий дурманящий аромат. На глаза показалась вторая рука, с горстью алых крупных ягод. Кирма резко обернулась и встретилась с бирюзовым печальным взглядом, но сам элли улыбался. И только ему одному было известно, как колотится сердце в груди, при виде этой воинственной дуворки.

– Радость моя, – пропел Ирим, – почему грустишь?

Кирма молчала. Тогда парень ближе протянул ей цветок и горсть ягод.

– Посмотри, – обратился он, – этот цветок я сорвал для тебя с той поляны, где это делать запрещено. Но, я это сделал. Это линея. Она очень похожа на тебя. А это манжелина – ягоды с кустарника древних богов. Отведай. Они такие же сладкие, как твоя улыбка.

– Спасибо! – поблагодарила дуворка. Кирма неожиданно для себя самой застеснялась, но приняла подарки. Она ела ягоды, а Ирим кормил Якса.

– Очень вкусные плоды! – восхитилась девушка. – А цветок я сохраню.

Элли смотрел на дуворку и молчал. Она смутилась ещё больше и отвернулась в сторону реки.

– Помнишь, ты обещал научить меня ловить рыбу? – напомнила девушка. Она доела ягоды и потёрла ладони друг о друга.

– Я помню всё. Обещал, выполню. А хочешь, я прочту тебе строки из мной сочинённого стиха? – предложил Ирим, усаживаясь рядом с подругой.

– Конечно! – обрадовалась дуворка. Она повернула голову в сторону элли и посмотрела в его худое, бледное лицо. – Ты сочиняешь?

– Придумываю на ходу, – улыбнулся парень. Тонкие лучики морщинок разбежались по уголкам его глаз.

– Тогда поделись со мной, что придумал, – попросила Кирма, а сама удивилась тому, что у элли уже есть морщины. Ведь о них у Кирмы было смутное представление. Она видела этот народ мельком на ярмарке, и считала, что это вообще не земные существа, а таинственные лесные тени, которые живут тысячу веков и никогда не стареют; знай себе, поют песни, танцуют в поле и дурят головы усталым путникам. А познакомившись ближе с одним из них, все её догадки улетучились, как тревожный ночной сон. Жители племени элли – такие же люди, как и она сама, только немного отличаются внешне, но так же умеют сострадать, помогать и дружить.

Юноша элли поднялся на ноги, отошёл на небольшое расстояние и начал проникновенно, со звенящим придыханием

в голосе, читать своё творение.

Смотрю на водную гладь.
Как жаль, что не понять
О чём река задумалась.
Способна ли мечтать?
Когда под рябью тихою
Ласкаясь с ветерком,
Кричали о любви они,
И шёпотом потом.
Но вот листва осыпалась,
Луч солнышка поник,
И дождик морозящий,
Под платя шёлк проник.
Зимою грустно сковано.
Ото льда спасенья нет.
Тоскует и кручинится,
И сдавливают гнет.
Ей страсти вспоминаются,
Милого дружка,
С которым целовались
Всё лето без конца.
Он шаловливо приставал,
Игриво обнимал.
Гонял мурашки,
Как будто те – букашки.

Уже проталины погнали
Чумазые от глины ручейки.
С деревьев поползли жучки.
Вокруг расселись грачи.
А вскоре бабочки
Раскрыли крылышки.
Летели на манящие
Сочные цветки.
И вот он, тот любовник,
Что летом жарко обнимал.
С такою страстью налетел,
В волнении подругу смял.
Погнал водицу чистую,
От берега гонять,
Чтоб разбудить любимую,
До осени играть.
Ах! Вот о чём задумалась!
И может ведь мечтать.
И мысли те нескромные,
Умеет реченька скрывать.

– До чего красиво сложено! Ирим, ты даришь мне радость. У тебя даже имя необычное, как ты сам! – воскликнула Кирма. – В честь кого тебя так называли?

– Пойдём, прогуляемся с Яксом, и по дороге я тебе расскажу, – позвал Ирим. Он сильно волновался после прочте-

ния стиха, и требовалось время, чтобы собраться с мыслями. За его видимым спокойствием скрывалась нерешительность и страх. Элли боялся обидеть подругу, словом или делом. Когда он начал свой рассказ, они шли медленно вдоль тропинки.

– Родители назвали меня в честь цветка. Необычное какое-то растение, – пожал плечами парень. Он смотрел вдаль и любовался цветущим лугом, где пестрели шапки полевых гвоздик и васильков. – Отец сорвал его для матери на поляне северных магов. Было это в полнолуние. Цветёт ирим лишь однажды, и сразу засыхает. Есть поверье, кто найдёт его в этот момент и сорвёт, всю жизнь будет счастлив. И теперь у меня есть мечта, найти когда-нибудь этот цветок и посмотреть, чем же он так хорош.

– Какая красивая история! – восхитилась Кирма. – А расскажи мне о своих родителях. Почему ты тогда сказал, что вы бедняки?

– Это действительно так. Мой отец Веллес, всю свою жизнь трудится подмастерьем у гончара. А мать Мирателла – помощница на кухне у нашего вождя. Вот такая у меня семья, работающие родители. А я непутёвый.

– А на кого ты похож? – сыпала вопросами Кирма. До того ей было интересно узнать как можно больше о новом друге. Она старалась шагать с ним в ногу и быть приятной собеседницей. Странное дело, до того момента она не задумывалась над тем, как говорит и что. Среди своего народа ей не было

никакого дела до их мнения, а тут вон как вышло.

– Честно? Да ни на кого, – элли заразительно рассмеялся и убрал прядь волос, упавшую на глаза. – Отец у меня зеленоглазый, с волосами цвета речного песка. А у матери волосы серебристые, а глаза светло-зелёные, как молодые листочки по весне. А я какой-то чудной.

– Не правда! – возразила Кирма. – Ты очень интересный, статный, будто в тебе течёт королевская кровь.

– Э, нет! Кирма, ты ошибаешься.

Они замолчали и остановились посреди маленькой поляны. Здесь воздух был особенно свежим и сладким, ведь вся поляна просто усеяна душицей. Мелкие розовые цветочки собранные небольшими пучками привлекали пчёл и шмелей, и лужок буквально гудел и колыхался. В глазах рябило от такой красоты. Ветерок нежно поглаживал тонкие высокие стволы, и распространял аромат по воздуху. Поляна была защищена от посторонних взглядов посадкой молодых стройных берёз, свесивших свои веточки до земли. Путники не находили слов и делали вид, что любуются красотой природы, а на деле, искоса следили друг за другом. Неловкую паузу разрядил шалун Якс. Кирма обрадовалась такому развитию событий и принялась возиться с детёнышем, но Ирим перехватил инициативу. Показывая на своём примере, он учил гиппогрифа летать. Нет, конечно же, он сам не взлетал, а носился вприпрыжку среди травы и махал руками, изображая движения крыльев. Якс бежал за ним, неук-

люже тряся толстенькими ляжками, и громко ворчал. Они набегались и порезвились вдоволь на волшебной лесной поляне, разогнав бабочек, и спугнув мелких птах, чинно восседавших на берёзах. Уже позже, когда молодые укрыли гиппогрифа в его берлоге, Ирим отправился провожать Кирму.

– До скорой встречи, волшебный цветок, – попрощалась дуворка. Ей хотелось скорее уйти, чтобы в тишине вспоминать все детали их встречи, и в то же время, она больше всего на свете желала остаться рядом с элли и ещё побродить по лесам и холмам. От усталости девушка едва держалась на ногах, но виду не подавала.

– До нового свидания, пурпурная линейя! – вторил элли. Он нагло рассматривал спутницу в надвигающейся темноте и мечтал сжать её ладошку в своей руке, погладить грубую, обветренную кожу на щеке и смахнуть соринку с подбородка. Но за весь вечер так и не осмелился ни на одно из этих желаний. Юноша не был таким уж стеснительным, он всего лишь сомневался в правильности такого поступка.

Они разошлись по разным сторонам и племенам, чтобы через некоторое время встретиться вновь.

При каждой новой встрече, парень как мог, старался удивить девушку. Он под руководством отца лепил глубокие миски, и позже дарил подруге самую лучшую из них. Даже отважился воровать у матери тёплые булочки и позже угощал ими Кирму. Как-то раз Ирим уговорил её пострелять из лука. А чуть позже смастерил такой же, как у себя, и препод-

нёс этот дар дуворке, в знак уважения её боевых заслуг. Девушка спрятала подарок в лесу у берлоги Якса, чтобы ненароком не нашли родители, ведь в племени дуворов не почитали стрельбу из лука. Они уважали и признавали только арбалеты.

Молодые к тому времени уже не могли друг без друга обходиться. И каждая очередная разлука повергала их в уныние. Они подолгу гуляли в лесу, смеялись и игрались. Ирим учил Кирму слушать природу, а она его – их пресловутым дуворским шуткам и сказаниям. Они блуждали по тенистым тропинкам, держались за руки, останавливаясь и заглядывая друг другу в глаза. Они искали друг в друге поддержку и понимание. Влюбленные, чтобы пережить следующую разлуку, черпали силы из робких поцелуев в щёчку и скромных дружеских объятий.

Как-то раз, вернувшись в общину, Ирим наткнулся на Бюча, поджидающего его.

– Дружище, ты торопишься? – спросил друг. Он преградил приятелю дорогу и ухватил того за рукав туники.

– Нет, конечно. Для тебя, дорогой друг, я всегда найду время, – ответил Ирим. Он ухватил Бюча за плечи и сжал их. Его руки подрагивали, что не укрылось от внимательного взгляда приятеля.

– Вот и хорошо! – воскликнул Бюч и отвёл Ирима в сторонку, чтобы поговорить.

– Ответь, почему ты пропускаешь посиделки? – прямо

спросил Бьуч и заглянул в большие волнительные глаза Ири-
ма.

– Разве кто-то заметил, что меня нет? – Удивился Ирим.

– Я заметил. Скажи, что с тобой происходит? Куда ты уходишь и пропадаешь до утра? Поделись со мной. Ты же знаешь, я не выдам тебя. Ты начал с кем-то встречаться? Кто она? Я ведь знаю всех наших девчонок, – тараторил Бьуч. Он тоже ухватил приятеля за плечи и слегка встряхнул того.

– Подожди, Бьуч, не тарахни. Я действительно встречаюсь с девушкой, но не из нашего племени. И видимся мы не здесь; и вообще не встречаюсь я, а просто гуляю, – сумбурно объяснил элли и потёр мочку уха.

– Ничего не понимаю, – покачал головой друг. Бьуч стоял перед другом растрёпанный. Его волосы спутались и сбились на одну сторону, а плащ он накинул изнанкой вверх, видимо торопился перехватить друга.

– Дружище, я дружу с дуворкой! – поведал Ирим и отвернулся.

– Что? – громко завопил Бьуч и поперхнулся.

– Тише ты, – шикнул Ирим. – Ещё собери утренние посиделки своим криком, чтобы обсудить новость всем племенем. Ты не ослышался. Я хожу на территорию дуворов. Я должен видеть её. Понимаешь? Мне просто необходимо говорить с ней.

Бьуч молчал.

– Друг, я не понимаю, что со мной творится. Когда я с

ней, у меня сердце скачет по лесу отдельно от меня, а голова кружится и руки трясутся. Я соревновался с ней в стрельбе из лука. Научил её ловить рыбу, разбираться в грибах. И теперь она делает всё это лучше меня. Потому что когда мы вместе, я как дурак.

– Дружище, да ты попал! – воскликнул Бьуч. Он подхватил приятеля под локоть и повёл ещё дальше, в сторону тёмного закоулка извилистой узкой улочки. Небо было тёмным, прикрытым седыми облаками, за которыми не виднелась даже луна. Светлячки, и те попрятались. В воздухе пахло приближением дождя и заметно посвежело.

– Куда? – не понял Ирим. – Куда я попал?

– Влюбился ты, глупый элли, в дуворку? – с грустью произнес Бьуч. Он присел на корточки у стены низкого деревянного дома, где жил, и потёр переносицу длинным гибким пальцем. Новость не только не обрадовала его, а даже испугала. – Ваша любовь ведёт в пропасть. Сам знаешь, нельзя нам быть с ними. Не ходи туда больше. У нас много своих девушек.

– Нет, Бьуч, я не поступлю так. И с другой девушкой быть не смогу. Есть мужчина, есть женщина, они бывают вместе, и потом рождаются дети. Но я не понимаю, как можно быть с женщиной, которую не хочешь.

– А её ты хочешь? – выкрикнул Бьуч и поднялся на ноги.

– Мне страшно отвечать, но теперь я точно уверен, что да. Бьуч, ты мне поможешь? – спросил Ирим, следом поднима-

ясь во весь рост.

– Я могу помочь тебе только советом, – настороженно произнёс Бьюч. – Забудь её, и никогда не ходи туда больше.

– Ты не прав, есть ещё один момент, ты можешь поддержать, если прикроешь меня, друг. Помоги мне, – просил Ирим. – Я не смогу теперь жить иначе.

– Ирим, ты губишь себя. А может, и всех нас.

– Я умру за неё, но жить без неё не стану! – упрямо воскликнул элли. Он собрался было уйти, но Бьюч перехватил его.

– Страшные слова говоришь. Бросаешь громкие фразы и гневишь небо. Будь, что будет. Помогу дорогому сердцу приятелю.

– Спасибо! Ты – настоящий друг! – воскликнул Ирим и схватил приятеля за руку.

– Спокойно! Не нужно нежностей, – отстранил Бьюч расстроганного Ирима. – Иди домой. Уже рассвет. И за свиданиями, не забудь, скоро сбор манжелины, и мне некогда будет искать каждого по отдельности.

– Я помню, Бьюч. А после сбора, отправимся на базар. Бьюч, ты честно мне поможешь? И больше не станешь отговаривать от встреч с Кирмой? Мне важно знать, что ты со мной.

Друг согласно кивнул и ушёл в дом.

Ирим пришёл к себе. Их жилище было хоть и мелким, но уютным. Плотные стены округлой формы, вылепленные

из разноцветной глины, хорошо защищали от сквозняков и лютых морозов. Маленькие овальные окошки, прикрытые разросшимся вьюнком, выходили на восточную сторону, и в доме с раннего утра было светло и тепло. Покатая крыша больше напоминала купол, зато с неё зимой хорошо сползал снег. Внутри было прибрано и вкусно пахло земляничным вареньем. Утрамбованный земляной пол прикрывал овальный коврик, связанный из плотной льняной нити. В каждом углу одной общей комнаты, лежали мягкие высокие тьюфяки, набитые пахучей соломой. А одеяла, стеганные лоскутками, служили покрывалами.

Элли сбросил сапоги у двери, тихо притворив створку, и присел за круглый стол, что стоял возле окна. Он выпил немного эля, съел холодную лепёшку и отправился отдохнуть. Парень думал, что не уснёт, а сам, как только голова опустилась на перьевую подушку, провалился в сон.

Родителей дома не было, и стояла спасительная тишина. Только сверху раздавались звуки. Это элли, чьи дома располагались на деревьях, никак не могли угомонить разыгравшихся детей.

При очередной встрече, Ирим подарил Кирме маленькое тоненькое колечко, которое выменял у ювелирных дел мастера на свои мягкие сапоги.

– Зачем? – смутилась девушка. Дуворка до того растрогалась, что ноги подкосились и она плюхнулась на землю.

– Это тебе подарок в знак моей любви, – произнёс элли. Он опустился перед ней на колени и обхватил мозолистые ладони своими озябшими от волнения руками.

– Давно ты догадался?

– О чём? Что я влюблён в тебя? – переспросил Ирим, вглядываясь в ореховый взор.

Девушка смущённо кивнула.

– С первого дня нашей встречи. Я места себе не находил, не понимал, что со мной. А позже мне всё объяснил друг, – ответил элли. Он передвинулся на коленях ближе к девчонке и уселся рядом. Обхватив её за плечи одной рукой, второй заправил жёсткий рыжий локон за ухо возлюбленной.

– А он нас не выдаст? – Кирма погладила элли по щеке.

– Нет. Не бойся! – ответил Ирим и щекой потёрся о шершавую ладонь. По сравнению с ним, девушка была маленькой, и когда они сидели, это не так было заметно, а вот когда они стояли рядом, ей приходилось высоко поднимать голову.

– Ирим, я тоже тебя полюбила! – призналась Кирма. – Я целыми днями хожу и мечтаю. Всё валится из рук. Дела выполняю не до конца, бросаю, и принимаюсь за другие. Из угла в угол брожу. Хочется всё бросить, сорваться и мчаться к тебе.

Ирим обнял девушку крепче и поцеловал. Это был не только первый совместный поцелуй, но и для каждого в отдельности. Их тела бил озноб, но не от холода, а от такого яркого чувства, которое завладело сердцами этих несчастных

молодых людей. Воздух между ними накалялся и вибрировал. Молодые прикрыли глаза и неумело прижались друг к другу губами. Пока в лёгких хватало воздуха, они так и сидели. В идиллию ворвался Якс. Он встрял между ними и затопал копытами. Это вернуло парочку на землю из волшебных грёз познания друг друга.

– У тебя губы как ягоды манжелины, – улыбнулся Ирим и потёрся носом о её нос.

Кирма взглянула на парня и снова потянулась за поцелуем. Якс заворчал и захлопал крыльями.

– Тише, тише, маленький, – увещевала дуворка гиппогрифа, – не шали.

Влюблённые поднялись на ноги, и пошли по тропинке вдоль реки. Якс очень любил там пить воду, и стоя в воде, ткал клювом в водную гладь.

– Кирма, я пока не смогу приходить, – произнёс элли. – У нас начинается сбор ягод. А после...

– А после, базарные дни! – весело закончила за него девушка. – Мне тоже забот прибавится. Опять мести площадь, расставлять скамейки и прилавки, пересчитывать товар из амбаров. Давай тогда на ярмарке и встретимся?

– Я согласен, – ответил Ирим.

Они постояли, некоторое время на берегу. По реке шла мелкая рябь, это осы кружили над водой и задевали её длинными тонкими лапками. По краям в камышах слышалась возня. Это делили добычу речные крысы. Ужасно неприят-

ные твари. Вечно мокрые и голодные, они сидели на задних лапках, на широких листьях кувшинок, и высматривали мальков. Сами кувшинки расстелились по воде шёлковым покрывалом, с желтевшими поверх него мелкими цветами – горошинами. От реки тянуло холодом и влагой, а ивы, склонив кудрявые головы к прозрачной поверхности, роняли свои печальные слёзы прямо в воду.

Кирма передёрнула плечами и накинула капюшон на мокрые волосы. Начинал моросить дождь. Ирим ухватил её за воротник и притянул к себе. Дуворка обняла элли за узкую талию и вздохнула. Тот поцеловал любимую девушку в покрасневший нос и развернулся в сторону гиппогрифа.

– Якс, пошли домой, – повелительным тоном окликнул Ирим найдёныша.

Ворча и неуклюже перебирая ногами, полуконь вышел из воды и пошлёпал вперёд, по глинистой скользкой тропинке.

Элли проводил свою любимую дуворку до места их постоянного прощания и повторил поцелуй. Теперь он уже действовал смелее и напористее. Парень сжал любимую в объятиях, наклонился и припал ртом к её устам, нежно посасывая мгновенно припухшие губы. Она обхватила его за шею, и теснее прижавшись к упругому телу, потерлась об него. Он мял и поглаживал крепкую девичью спину, опуская руки всё ниже и ниже, притягивая крепкие девичьи бедра. Но, не выдержав пытки, Ирим застонал и выпустил Кирму из рук. Она не ожидала такого и пошатнулась. Щёки у девушки пылали,

а голова кружилась, да и весь мир, похоже, вращался вокруг них. Дуворка заглянула в глаза любимого и всё поняла без слов. В его взгляде читалась неприкрытая страсть. Теперь она осмыслила, почему он выпустил её из своих тёплых, уютных объятий. Элли отступил от любимой на несколько шагов. Смущённо улыбаясь, подскочил ближе и схватил за руки, снова не удержался и чмокнул в щёчку. После этого развернулся и помчался домой. Она смотрела ему вслед и дрожала. Обхватив себя руками, девчонка улыбнулась, счастливо вздохнула и направилась в город.

Вот только счастье – хрупкий сосуд.

Глава 7

В следующий раз на базар отправились пятнадцать элли. Пятеро из них были старше и мудрее, поэтому путь обошёлся без шуток. Договорившись рассредоточиться, мужчины разбрелись каждый по своему заданию. Ещё при входе в Асаджун, Ирим заметил рыжую головку любимой. Девчонка была явно чем-то расстроена. Она ходила вдоль ворот, поглядывая на входящих, и старательно делала вид, что считает мешки с мукой. Проследив взглядом за тем, куда направляется Ирим, Кирма моментально закончила своё занятие и устремилась следом за элли. Парень широким шагом направился вдоль крайнего ряда, где торговцы ловко кроили кожаные жилеты из волчьих шкур, и прямо на глазах изумлённой публики стягивали края прочной шнуровкой. Шкуры ещё хранили запах животных, но были достаточно качественно выделаны и просушены. Рядом с лавочником разгуливал жонглёр и показывал интересные трюки за звонкую монету всем желающим. От его ловких вращений горящих факелов, рябило в глазах и делалось жарко, но народу нравились подобные зрелища. Они уходили от торговцев, и следовали за фокусником, восторженно выкрикивая одобрение. Торговцы гневались на волшебника и выкрикивали ему вслед оскорбления и проклятия. Под эти крики и хлопки в ладоши, Ирим обогнул крайний прилавок и свернул за амбар

с углём. Его скрывали растянувшиеся по обе стороны кустарники дикой бузины. За углом элли остановился. Он собрался подождать Кирму, ведь та следовала за ним. Но девчонки долго не было. И вот подкравшись сзади, кто-то схватил его за ворот туники и потянул назад. Шаги заглушал базарный шум и крики птиц, круживших над площадью, поэтому Ирим не ожидал такого поворота событий. Девушка не рассчитала силу притяжения и опрокинула элли на спину. Он ухватил её и потащил за собой. Перелетев через него, Кирма приземлилась рядом. Ирим был совсем не против такого приключения и сграбастал дуворку в охапку, прижимая к себе. Он начал жарко целовать подругу. Девчонка не сопротивлялась, а только крепче обнимала любимого элли и плакала. Они так увлеклись друг другом, что не заметили, как кто-то третий смотрел за ними совсем рядом.

«Вот это да! – восхитился про себя элли. – Вот это новости! А я-то думал, что бедолага совсем одичал и перебрался жить в лес. А он вон как! Предатель. Всех нас погубить решил. Вернёмся, всё расскажу вождю. Пусть тогда решает, что делать с изменником. Так-то оно так, только кто же мне поверит?»

Роматис рассматривал влюбленных горящим взглядом. Элли был перевозбужден и его руки подрагивали. Так было всегда, когда он нервничал. И пока его не начало трясти ещё сильнее, хитрец решился бесшумно отступить. Но тут на глаза ему попало колечко, валявшееся в траве. Племян-

ник вождя узнает это колечко из тысячи. Такие изготавливает только их ювелир, а он – его приятель, и ему ли не знать. Пока элли и дуворка миловались, наблюдатель наклонился и подобрал колечко вместе с витой тонкой верёвочкой из кожи. Такие полоски присутствовали на ремешках у всех без исключения дуворов.

«Вот оно, доказательство!» – зло подумал элли. Довольный такой находкой, парень тихо ушёл.

В тот день Кирма так и не обнаружила, что потеряла дорогой сердцу подарок. Девчонка была плотного телосложения, и тонкое колечко не нашлось ни на один из её пальцев, хотя если бы и нашлось, нельзя показываться с ним на обозрение своего народа. Поэтому она носила подарок под рубашкой на шнурке из кожи, обвязанном вокруг шеи.

Постепенно между влюбленными назревало что-то чуждое их пониманию. Подарки – одно, а, правда, жизни – совсем иное.

– Почему ты плачешь? – опомнился Ирим. Он пальцем смахнул бежавшие по веснушчатым щекам слезинки и посмотрел в заплаканные глаза дуворки.

– Мне грустно и страшно. Дело в том, что к отцу приехал Толос – приятель из северного края. Прибыл вроде на базар. А позже я подслушала, что они сговариваются о моей свадьбе.

– Подожди, какой свадьбе? – не понял Ирим. Он подскокил на месте, испугав ворон, сидевших на крыше амбара. Те

противно раскричались и слетели на кустарник, внимательно поглядывая чёрными бусинами глаз в сторону элли.

– Понимаешь, когда я была маленькой, отец ездил в племя к Арктическим дуворам. Там у него много знакомых и приятелей, которые давно приглашали его в гости. И брал он тогда меня с собой. Случилось это вскоре после того, когда меня поймали мальчишки орши. Отец заявил, будто пора мне закаляться и приобщаться к жизни, и мы отправились на север. А на самом деле, возил меня он тогда на смотрины. Там я познакомилась с будущим женихом Рагимном. Он уже тогда был вредным и заносчивым: кидался в меня снегом и закапывал в сугробе. Шалости или нет, но у меня нет желания это узнавать. Мне даже в детстве там совсем не понравилось, а маленьким ведь всё кажется красивым и простым. Там ужасный холод, – сумбурно рассказывала Кирма и тёрла глаза.

Элли слушал и молчал.

– Северное племя дуворов слишком свирепое, – продолжила девчонка. – Они ходят босиком и наряжаются в медвежьи шкуры. А ещё они охотятся на огромных сохатых оленей. Шкуры используют для всяких нужд, мясо едят, а жиром обмазывают всё тело. От них потом так противно пахнет. Живут они посреди степи в ледяных иглах. Внутри тепло, а снаружи завывает хлётский ветер и носится буран. Питаются дуворы строганиной из рыбы, а я её не люблю. Я совершенно не желаю выходить замуж за человека из их пле-

мени, тем более теперь, когда встретила тебя.

Ирим молчал, тогда Кирма опустила голову на согнутые в коленях ноги и замолчала.

Они сидели и слушали звуки, доносившиеся со всех сторон. Вдали визжал ребёнок и требовал у мамыши титю, а она кричала в это время на старшего сына, что тот стащил пирожок. Над площадью кружили птицы, будто исполняя ритуальный танец. Они следили за телегами с рыбой, чтобы заполучить лёгкую добычу. Сама площадь больше походила на муравейник. От амбара с углём тянуло сладковато-металлическим амбре, и долго вдыхать такой воздух было бы нежелательно. А дуворка молчала, не решался заговорить и элли. Они рассматривали поражённые тлёт ветки бузины, по которым деловито сновали муравьи. Вот у кого нужно было черпать жизнелюбие, и определенно, брать с них пример.

– Нрав у общины совсем другой, – прорезал тишину спокойный голос Кирмы, да так, что Ирим вздрогнул от неожиданности. До этого он опирался ладонями о землю позади себя и следил за особенно шустрым насекомым. Но рассказ дуворки заставил его прислушаться и сесть удобнее. А она расплакалась и под всхлипывания продолжила говорить. – Они там все такие огромные. А ещё, ездят на белых медведях, и их мясо жарят прямо в иглах. Как по мне, дикие существа. А когда они стареют, уходят к океану или в ледовые пещеры, забираются под лёд и там засыпают. Я не хочу умирать во льдах. Я полюбила тебя, и хочу всю жизнь провести

рядом с тобой. Вот только отец собрался туда ехать со своим другом, и увозит меня, чтобы там же выдать замуж и оставить у мужа. Я этого не хочу. Понимаешь, Ирим, я не смогу этого пережить.

Ирим выслушал, не перебивая, а потом вытер девчонке слёзы, обнял и поцеловал в щёку. Так они сидели на траве за амбаром, обнявшись и думая о своих неприятностях.

– Кирма, не плачь, ты же знаешь, дуворы не умеют плакать! – вдруг воскликнул элли. Он сел перед девушкой на колени и улыбнулся.

– Это любовь сделала меня такой! – ответила девушка.

– Не страдай. Скажи, ты сможешь придумать что-то, чтобы поехать позже или позвать жениха сюда? Нам нужно немного времени! – воодушевленно вещал Ирим и гладил плечи возлюбленной.

– Для чего?

– Я скоро пройду этап взросления через обряд. Это даст мне больше шансов сделать тебя счастливой! – воскликнул Ирим, всматриваясь в глаза, зрачки которых посветлели от слёз, будто лесные орехи выцвели под лучами палящего солнца.

Парень любил этот взгляд, немного дерзкий и чуть изумлённый. Но не мог терпеть, когда по смуглым щекам струятся влажные дорожки и стекают в ворот грубой холщовой рубашки. Элли терялся в такие моменты и был готов обещать что угодно, только бы они просохли.

– Не понимаю, – буркнула Кирма и вытерла мокрые глаза рукавом.

– Сейчас расскажу. Элли становится взрослым, когда ему исполняется четырнадцать лет. Тогда с каждым юношей нашего рода проводят ритуал, во время которого выжигают татуировку в виде натянутой тетивы лука с распахнутыми крыльями. Попросту говоря, – клеймят! – объяснял Ирим, жестикулируя и ерзая на коленях.

– Как можно прижигать живое мясо? Это ужасно! – перебила Кирма. – И почему именно такой рисунок? Это что-то для вас значит?

– Это означает, что мальчик выпорхнул во взрослую жизнь мужчиной. Так вот, через пять дней я стану мужчиной! – похвастал Ирим, продолжая свой рассказ. – И мы с тобой сможем покинуть наши общины.

Дуворка смотрела на него и молчала. Она явно не разделяла энтузиазм элли и считала его ветреным.

– Если захочешь, можем пойти к Серебряным элли, – продолжил парень. – Тебе там понравится! Они хоть не дружны с нашим племенем после раскола, но и не враги. Не поделили когда-то уважение вождя и корону, передающуюся из поколения в поколение – вот и разделились. Но там вроде как остался и живёт мой дед.

– Сколько слушаю тебя, всё удивляюсь, как интересно вы живёте! – воскликнула Кирма. Она обхватила плечо возлюбленного обеими руками и прижалась к нему щекой.

– А разве у вас не так? – удивился Ирим и серьёзно посмотрел на девушку.

– Нет. У нас чёткое указание, строгое выполнение. Всё предельно просто, – ответила дуворка и потёрлась щекой о мягкую шерсть рукава.

– Так и у нас так же. Ты мне лучше ответь, уйдёшь со мной? – спросил Ирим. Он приподнял за подбородок лицо рыжеволосой чаровницы.

– Уйду! – не раздумывая, ответила девчонка. – А почему тебе нельзя уйти без татуировки?

– Тогда я буду не признан кланом, будто изгой. И мне уже нигде не прижиться. Всюду будут гнать. Тем самым я обреку тебя на жалкое существование со мной в холоде и голоде. Мы не сможем достойно воспитать наших детей, не предоставим им хижину и мягкого тюфяка.

– А ты никому не говори, сколько тебе лет, – советовала Кирма. Она жалась теснее к возлюбленному, ища защиту и поддержку в его тёплых объятиях. Девушка черпала от него силу и внутреннюю энергию, чтобы выстоять надвигающимися трудностям, и спасти их зародившуюся любовь.

– Любимая, не забывай о Письменах! Там всё сказано, и этого не обойти. Эти священные книги пишутся за нас великими магами и передаются из поколения в поколение.

– Как думаешь, Ирим, если мы сбежим, тогда не навлечём на наши народы беду?

– Я верю, что нет. По сути, мы будем сами по себе. Ты

только сделай так, чтобы не уезжать.

– Да, я всё сделаю! – пообещала дуворка и обняла парня за шею. Он целовал её, а вокруг них кружился целый мир, наполненный чудесных сладких ароматов, волшебных цветов и ярких красок.

Их поцелуй получился нежным, но каким-то обречённым, несмотря на то, что вокруг порхали крупные бабочки, вдали пели барды и плясали гости, тянулся дымок подкопченной рыбы и жареного мяса.

Кирма начала замерзать и снова тесно прижалась к любимому, стараясь вобрать в себя часть тепла от его разгорячённого тела. Обхватывая его руками за шею, она поглаживала большими пальцами рук мочки его ушей. Ирим дрожал и сжимал Кирму уже грубее. Чувствуя напор, девушка опомнилась и отстранилась, понимая, что большего допустить не посмеет. Она мгновенно ухватила за руку ошарашенного парня, поднялась на ноги и увлекла его за собой.

– Пора. А то нас хватятся, – шепнула дуворка, поправляя курточку.

– Да. Время бежит незаметно, когда ты рядом. Я даже забыл, где мы с тобой находимся! – хмыкнул элли и стянул густые светлые волосы в хвост.

– Всё, я пошла, – произнесла Кирма, когда тщательно осмотрела себя. – Встретимся после того, как ярмарка завершится. Как всегда, на закате дня я буду у Якса.

– Да, любимая! – согласился Ирим. Он, было, потянулся

за поцелуем, но девушка отскочила в сторону, развернулась и пустилась бежать.

Через некоторое время из-за амбара выскочил юноша, и тут же смешался с толпой. Молодые люди были окрылены любовью и надеждой на счастливое совместное будущее, что не замечали ничего вокруг. Они верили, что всё произойдёт именно так, как задумали, и будет элли жить с дуворкой долго и радостно. А у судьбы на этот счёт было иное мнение. За проезд по счастливому будущему вначале нужно заплатить. Ни Ирим, ни Кирма, даже не подозревали, что видятся в последний раз. Вскоре каждого будет ждать испытание. Смогут ли они выстоять, найдут ли дорогу к любви, и чем всё это обернётся? Решит только время, которое идёт впереди.

Глава 8

– Мам, нам нужно поговорить! – воскликнула Кирма, когда ворвалась в дом. Девчонка после беседы с Иримом воодушевилась и была настроена слишком решительно.

– Что такое? – встревожилась мать и отложила в сторону выделки из кожи, которые шнуровала ремешком. Женщина давно вымочила их в крепком солевом растворе, и теперь осталось только стянуть изделия. Но дочь так некстати прервала её занятие, что родительница строго посмотрела на неё слезившимися глазами.

В доме гулял сквозняк и распространял кислый запах шкуры. От этого не только слезились глаза, но и чесался нос.

– Скажи, почему ты меня никогда не защищаешь перед отцом? – спросила дочь, и потёрла ноздри толстым пальцем. – Почему не спросив, хочу я или нет, меня везут как мешок с мукой в обмен на замужество?

– Дочь, чего же ты злишься? – удивилась Жиона. Она отложила шкуры в сторону и поднялась на ноги. – Рагимн – хороший парень. Вы составите друг другу выгодную партию.

– Партию чего? – не унималась Кирма. Она начала расхаживать по комнате и стучать башмаками о деревянный пол.

– Ну, как же? Когда вы обручитесь, нашему народу откроются большие возможности. Подумай только: новые товары сможем продавать, выменивать; узнаем местность и освоим

новые земли; а может, и женить будем дальше юношей и девушек, смешивая общины, – перечислила перспективы практичная женщина. У неё закружилась голова от мельтешения дочери, и пришлось присесть на скамью.

– Мам, ты о чём говоришь? Ты хоть раз там была сама? Нет! А я была. И больше туда не хочу. Там один холод чего только стоит, он промораживает до костей. А ветер воет так, что душу вынимает. Ты говоришь – новые земли? Какие земли? Там снег и лёд. А женщины всё время сидят дома и плодятся; воспитывают детей и снова плодятся. Ты мне желаешь именно такой жизни? – повышая голос, спросила Кирма. Она встала напротив матери и слегка наклонилась, чтобы посмотреть в глаза.

– А что в этом плохого? – недоумевала Жиона. Она смотрела на расшвырявшую дочь и улыбалась. – Дети – это наше продолжение.

– Ты сказала, что Рагимн – хороший парень. Ты-то откуда его знаешь?

– Прекрати, – прикрикнула мать, начиная сердиться. Она встала со скамьи и направилась к печи, чтобы подбросить берёзовых поленьев. В очаге затрещала сухая кора и подняла фейерверк рыжих искорок, и в доме сразу стало уютнее и теплее, а в воздухе потянуло ароматом леса. Мать развернулась к дочери, устало смахнула со лба выступившие капельки пота и подбоченилась. – Мне надоел этот разговор. Как отец решил, так и будет.

– Я поняла. Вы хотите меня продать дороже, как племенную корову. Вроде и молоко даёт – это выгода для вас, а закололи, взяли мясо – это внуки. Я услышала тебя! И, конечно же, я уважаю ваше решение, – воскликнула Кирма, развернулась и выбежала на улицу.

Девчонка побежала в сторону завалинки, откуда по небольшим ступеням можно было спуститься в небольшой овражек. Там она частенько пряталась от родителей и переживала свои личные драмы. Её волосы растрепались, и локоны подпрыгивали в такт шагам, пламенея по плечам. Курточка, выстеганная кусками волчьей шкуры, распахнулась на груди, колыхавшейся при каждом движении. Кирма со злостью стянула её руками и ускорила шаг.

«Откуда она узнала о свадьбе? – удивилась мать про себя, когда за дочерью захлопнулась дверь. – Ну да ничего, успокоится, поймёт и примет верное решение. Ведь уважать родителей – святой закон!»

Пока дуворка боролась за свою свободу, у её возлюбленного тоже учащался пульс. Ведь в его жизни вот-вот произойдут события, которые изменят не только его судьбу, но и жизнь полюбившейся ему Кирмы.

Наступило утро, и отряд элли вернулся в посёлок после ярмарки в городе Асаджун. Всё было спокойно. Но ближе к вечеру, дверь в доме Ирима сотряслась под сильными ударами. К ним ввалился вождь Аркял. Руки у него всё ещё бы-

ли обмотаны нитями, наподобие кокона, и в дверь он стучал ногами.

– Иди сюда, изменник, – орал Дикий вопль. Вождь стоял перед ними высокий и мускулистый, в светло-коричневой тунике и белых штанах, заправленных в чёрные высокие сапоги. За спиной свисал до бёдер плащ из шкуры горного козла, кое-где слегка линялый, скрепленный на груди серебряной булавкой с изображением длинных крыльев стрекозы. Дикий вопль тяжело дышал и гневно сверкал изумрудными зрачками. Его волосы разметались по плечам, а тонкая золотая перевязь съехала со лба на брови. Он сыпал ругательствами похлеще их башмачника, который постоянно был пьян, но работу выполнял исправно. Вождь не мог пустить в ход кулаки, и от бессилия злился ещё больше.

На грохот распахнувшейся двери и крики, из кухни выскочила мать Ирима, на ходу вытирая руки о передник. Следом за вождём в дом вбежал отец. Ирим не спеша поднялся с тюфяка, на котором отдыхал перед общинными посиделками, и одёрнул длинную шерстяную тунику. Он подошёл к Аркялу. Вождь смотрел на элли с нескрываемой злостью, юноша спокойно глядел из-под полуопущенных ресниц на него. Обстановка накалялась, и казалось, ещё немного и заискрит воздух от противостояния двух мужчин. Наконец, Дикий вопль дал знак следовать за ним. Родители Ирима бежали следом. Они не смели спросить что-либо у главного. А тот привёл парня в центр лобного места, где элли

ежедневно проводили вечер за играми, песнями и плясками. Здесь же многое обсуждалось из жизни племени и окружающих общин.

И в этот день жители лагеря «Тени леса» уже заняли свои места. Кто-то сидел на дереве, другие умудрялись разместиться на крыше дома, дети копошились в траве, женщины удобно устроились на лавочках. Народ не подозревал, какое представление развернётся перед ними через несколько мгновений. Элли наслаждались тихим вечером, сладким ароматом спелых ягод и горьковатым благоуханием многочисленных цветов. Они тихо переговаривались между собой, смеялись и поглядывали по сторонам. Ясный жаркий день сменяла прохлада. От реки потянуло сыростью, и в камышах устроили вечернюю переключку лягушки. Ивы раскинули свои тонкие длинные ветви и укрыли их от посторонних взглядов. Небо стремительно меняло голубую шёлковую занавеску на более тёмную бархатную. Последние лучи уходящего дня тонули в реке, отражаясь на водной глади тонкими светлыми полосками. Они уступали место первым звёздам, которые робко зажигали свои лампочки, подражая светлячкам. Те постепенно вылетали из укрытий и озаряли поляну таинственным свечением. Летней ночью это особенно завораживающее и чудесное зрелище, когда мерцают маленькие красочные огоньки. Перед глазами будто оживала сказка. Искры были всюду: в траве, в воздухе и на деревьях, на высоких стеблях различных цветов. Большинство огоньков,

достигнув определённой высоты, устремлялось вниз, как ракеты ночного фейерверка. Они подобно звёздам, летели и плясали на фоне тёмной ночи. Только в этот раз такая красота не восхитила элли. Они заметили, что вождь разгневан, и это не предвещало ничего хорошего. Дикий вопль уселся на свой переносной дубовый трон на специальном возвышении из серого речного камня и облокотил больные руки о подлокотники, облицованные светлыми пластинами из моржовой кости. Он грозно посмотрел из-под длинных кустистых бровей и поерзал, устраиваясь удобнее. К слову сказать, трон был очень красивым и удобным. Роскошный стул с высокой резной спинкой и прямыми подлокотниками имел широкое мягкое сидение, покрытое шкурой белого соболя. То был самый редкий, и потому ценный зверёк. Эту шкуру Аркялу преподнёс в дар вождь клана хоббитов. Когда он с небольшим отрядом следовал горными тропами в гости к элли, увидел, как зверька задрал волк, но хоббитам так хотелось его спасти, что они убили хищника, но соболя спасти не удалось. В знак признательности и дружбы, было решено преподнести сей трофей Дикому воплю. Аркял был тогда растроган таким даром и быстро нашёл ему применение. А сейчас он ёрзал от злости и нетерпения на этом красивейшем меху, который, казалось, состоял из длинных острых игл. Они вонзались вождю в мягкое место и жалили будто пчёлы, доставляя неудобства.

– Вот полюбуйтесь, – гремел его голос на всю округу. –

Перед вами изменник, решивший погубить всех нас.

Элли молчали. Ирим тоже.

– Всегда мне не нравился этот несносный мальчишка, – продолжал Аркял, не найдя поддержки у народа. – И не зря. Мало того, что нашему народу никакой от него пользы, так он ещё и нашкодил на стороне. Паршивец!

– Позволь, уважаемый Аркял, узнать, в чём именно ты обвиняешь нашего сына? – вступился Веллес. Он подбежал к трону государя и пытался отдышаться.

– Узнать? – взревел Дикий вопль, приподнимаясь со своего места. – Узнаешь! Твой щенок якшается с дуворкой.

Элли ухнули в один голос, после чего загудели как улей.

– А доказательство этому есть? – вступилась Мирателла. Женщина пыталась встать впереди сына, закрывая его своей худенькой спиной. Но Ирим оттолкнул мать в сторону и остался стоять в центре круга. Он сжимал и разжимал кулаки, а на его щеках играли желваки. Парень выглядел гордо и непоколебимо.

– Ещё, какие доказательства! Они самые прямые! – кричал вождь. – Но я не намерен давать тебе отчёт, женщина. Знай своё место. Это ты виновата, что воспитала такого пройдоху.

– Не надо так! – вскричала Мирателла. Женщина, было, рванулась в сторону вождя, но сын перехватил её за руку.

За такую дерзость вождь выгнал её с лобного места. Обеспокоенная мать побрела домой в растерянных чувствах. Сле-

дую закону, она больше не имела права присутствовать при собрании, иначе навлечёт больший гнев на сына. Всё что она могла сделать, это уйти с глаз вождя.

– Аркял, я ведь не посмотрю что ты вождь, – спокойно произнёс Веллес, – и могу дать отпор, если ещё раз обидишь мою жену.

– Пошёл вон! – заорал Дикий вопль. Будь у него свободны руки, случиться могло непоправимое. Но Аркял не мог отстоять свою честь в бою, ему приходилось просто кричать до хрипоты на элли, который стоял совсем рядом, но не боялся его гнева.

– Что у тебя с их девкой? – спросил вождь у Ирима.

– Любовь! – прямо ответил Ирим. Он стоял, расставив ноги и скрестив длинные худые руки на груди. Красивый, уверенный в себе и бесстрашный. Бирюзовый взгляд устремлён на вождя. Не отводя глаз, Ирим рассматривал Аркяла, будто видел того впервые. Вождю не нравилось дерзкое поведение парня, но ещё больше раздражал властителя наглый немигающий взгляд. Он проникал в самую душу и сжимал в кулак бестелесную оболочку.

Эллийский народ начал возмущаться. Кто-то из соплеменников не поверил такому заявлению, а другие, наоборот, принялись ругать молодого элли. Но были среди жителей и такие, кто встал на защиту шалопаю. Он был им симпатичен. Защитники искренне недоумевали, как можно обвинять такого безобидного мальчишку, беззлобного, чистого духом и

искреннего, в отличие от большинства собравшихся людей и судивших его.

– Ах, любовь, да? Выросло то, чем любить будешь? Взрослым стал? – не унимался вождь. Он слез со стула и подошёл к Ириму. Парень был на голову выше Аркяла, и это не понравилось вождю. Но уйти на глазах у народа, значило признать своё поражение.

– Да! Я вырос! – произнёс элли без тени страха.

– Ну, раз вырос, завтра в это же время будет тебе обряд клейма. А через неделю женишься. Невесту я подберу сам из нашего рода. Обручишься и остепенишься. Это моё последнее слово! – приказал Аркял, глядя в глаза Ирима.

– Аркял, подожди, как же так? – закричал Веллес и снова кинулся к вождю. Дикий вопль отрицательно покачал головой.

Ирим сдерживал себя, чтобы не надавать тумаков главному, ведь тот не имел права распоряжаться его жизнью. Элли решил действовать иначе и не гневить Аркяла.

– Бьуч, проследи за своим другом. Если он пропадёт, не носить и тебе головы. Я своими руками казню его и тебя! – раздавал приказы Дикий вопль. Он нашёл глазами помощника и повернулся к нему. Выглядел в этот момент вождь комично, совсем не соответствуя статусу главного. Волосы намокли от прохладного речного воздуха и свисали жидкими сосульками на плащ, который сбился в одну сторону. К тому же, от него несло козьими какашками. Он наступил на

них, да ещё и крутился из стороны в сторону. Вождь потянул носом и совсем взбесился. Он поднял больные руки и принялся ими махать.

– Нет, вождь! Первый раз я отказываю тебе в чём-то. Можешь казнить меня здесь и сейчас, но я не выполню твою просьбу, – ответил Бьюч.

– Десять ударов розгами ему! – проревел Аркял. – И десять тому, кто снова запустил на Поляну Слова этих мерзких животных, которые рассыпают свой вонючий горох, где им вздумается.

– Вождь, мы не можем ответить на этот вопрос, – произнес старый элли, который сидел на земле, скрестив ноги, и плёл корзину из ивовых прутьев. – Эти животные гуляют сами по себе, их никто не сторожит, а значит, отвечать за их деяния некому.

Аркял только разинул рот, чтобы ответить, как его перебили.

– Не надо, друг! – выкрикнул Ирим. Он бросился на защиту Бьюча, но его грубо оттолкнули, а друга потащили к Столбу Позора.

Никто из жителей и представить не мог, чем обернутся эти посиделки. Элли шли вечером с корзинами полными яблок и груш, с пирогами и засуженными в сиропе ягодами, чтобы угощаться и радоваться жизни. Детишки спешили собрать кукол и посидеть с ними среди взрослых, но как только слышали гневные вопли вождя, сбежали с лобного места.

Всё что происходило дальше, больше напоминало страшный сон.

Пока одного элли хлестали, второго держали под руки и заставляли смотреть порку. С каждым ударом сердце Ири-ма получало свежий кровотокающий рубец. Он смотрел на то, как соплеменники избивают его друга, и старался запомнить всё до мелочей. Когда-то он за всё отомстит, тем двоим, которые истязали своего же собрата и приятеля. Такой мирный клан, и так быстро раскололся надвое: до и после. Гнев управлял одним, а страдали многие. Совсем как раньше, несколько десятков лет назад, когда Аркял увёл народ за собой.

Быюча привязали к Столбу Позора за тонкие запястья. Он уткнулся лбом в гладкое холодное дерево, прижимаясь к высокому стволу голой впалой грудью. После первого удара прозрачная кожа на спине элли лопнула. Он закусил губу, чтобы не кричать и выгнулся назад. Вокруг сверкали звёзды, мелькал салют из светлячков, а перед его глазами высекали снопы искр, рассыпаясь, которые обжигали его кожу.

Вождь стоял в стороне и следил за исполнением приказа. Он обвел злым взглядом народ и убедился, что элли прибывают в страхе. Дикий вопль считал этот метод правильным. И все свои поступки одобрял и уважал. Когда осталось два удара раздвоенными язычками кожаной плети по кровавому мясу, оголившему тонкие прочные позвонки, Дикий вопль покинул площадь.

После случившегося, избитого элли забрала Мирателла, чтобы врачевать. Парень был одинок. Новорождённого подкинули к лобному месту в один из далёких утренних дней. Сделал это кто-то из своего народа. Но кто, вычислить так и не удалось. С тех пор мальчишка элли, названный Бьючем, был всеобщим любимцем. До сего дня был. Как сложится его дальнейшая судьба после случившегося, покажет время. А пока он сам показал свою преданность.

В тот момент, когда Мирателла лечила раненого, её сына забрали в дом к вождю, чтобы приготовить к обряду клеймения. Аркял лично отправился договариваться с родителями выбранной им невесты.

Ирим был в отчаянии. Его связали и уложили на узкой скамье, покрытой пахучей шкурой козла. Голова у элли разболелась, а перед глазами полетели противные чёрные точки. К горлу подступала тошнота от запаха подстилки, и он старался не дышать вовсе. Чтобы чуть отвлечь себя от такого плачевного положения, Ирим размышлял. Он никак не мог понять, кто предал его. Это не Бьюч, совершенно точно. Значит, кто-то третий, незримый, был свидетелем его тайных свиданий с дуворкой.

«Кто же это? Мне бы только узнать, – думал Ирим. – Завтра я убегу. Давно надо было это сделать. Только Кирму нужно забрать. Как же мне её предупредить?»

На этом его терзания прекратились. От головной боли парень не услышал приближающиеся шаги собратьев. Их бы-

ло трое: важные и грозные! Только бы услужить вождю, наступая на горло другим. Один элли схватил Ирима за шею и слегка сжал. Второй обхватил сильными руками его связанные ноги и вытянул вперёд. Не церемонясь, в рот влили лунного эля, и, судя по горечи, оросившей сухое горло, опили его конкретно. После этого напитка спится так глубоко и сладко, а главное, долго.

Глава 9

– Дочь, нам необходимо поговорить, – окликнула Жиона.

Кирма направилась, было, в лес. Ей хотелось побыть в одиночестве и придумать отговорку, чтобы не ехать в другое племя. В дорогу уже всё готово, и на рассвете следующего дня они покинут лагерь «Горных яков», отправляясь на север. Там они оставят Кирму в клане дуворов «Арктиков».

– Что? – спросила Кирма. Она обернулась на голос матери и скрестила руки на пышной груди.

– Ты скоро станешь женой! – пояснила мать, приближаясь к дочери. – И не пристало молодой особе скакать по лесам. Нужно собраться в дорогу.

– У меня всё уже готово, – буркнула девушка. Она устало привалилась к стене и прикрыла глаза густыми рыжими ресницами.

– Не всё. Мне нужно тебе рассказать, что происходит между мужем и женой в их первую ночь. И ещё, я дам тебе траву для скорого зачатия, и научу правильно запаривать её, – перечисляла мать свои обязательства. Она протянула руку, чтобы отвести прядь волос у дочери с лица.

– Отстань от меня со своими глупостями, – крикнула Кирма и умчалась в лес. Там она навестила Якса и погуляла с ним. Он уже значительно вырос, только летать, пока не получилось, но это лишь вопрос времени.

Они вместе пошли к реке. Пока гиппогриф резвился в воде, Кирма сидела на холмике, покрытом бирюзовым пахучим мхом. Дуворка ждала встречи с любимым элли, чтобы договориться о побеге. Солнце давно село и наступили сумерки. Лес оживился: зашуршали хвоей деловитые ежи и бросились в рассыпную глазастые зайцы, рассмотрев среди кустарника голубики лисий хвост. Расселись высоко на елях большеглазые филины, рассматривая мелкие серые комочки, грызущие сладкую кору манжелины. Летучие мыши кружили высоко над скалой и сверкали алмазами глаз на фоне тёмной занавеси горизонта. Над горой замер широкий серп луны, окруженный подругами – звёздами. Воздух стремительно остывал, и тянуло сквозняком, гуляющим в ущельях скал и забирающимся в самые глубины тёмных таинственных пещер. Ветерок пригибал высокие стебли остролиста и камыша. Кое-где стрекотали сверчки и пели болотные иволги. От реки пахло рыбой и склизкими улитками. Однако Кирма не замечала всего великолепия, окружающего её. Она отрешённо окликнула гиппогрифа и увела его в убежище. Там Кирма укрыла питомца в берлоге и отправилась на опушку, где они всегда прощались с Иримом. В растерянности девушка хотела спуститься к элли и подкараулить жениха, но так и не решилась. Только бы не навредить им обоим. Она не верила в то, что элли предал её и покинул навсегда. Кирма свято верила в их нерушимый союз, в их чистую, незапятнанную любовь до дрожи, когда каждый готов

жизнь отдать за любимого. Она доверяла, а это самое главное, что должно быть у влюбленных. Дверь веры распахнута в их сердцах настезь, и захлопнется она лишь тогда, когда любимый человек выйдет за неё. Кирма надеялась, что это не про них с Иримом. Поэтому дуворка оттягивала время, чтобы отец был готов выезжать, и не смог отложить поход, иначе он потеряет уважение своего дорого гостя – чего Пуотс допустить бы не решился.

Время тянулось медленно, а сердце замирало в груди всё дольше. На рассвете, когда молодые быки и бараны, на которых совершали путешествия дуворы, стояли нестройными рядами, обложенные немногочисленной поклажей, в посёлок вернулась Кирма. Она осмотрела народ, провожавший их у главных ворот, и объявила будничным тоном о своём решении. В груди kloкотало так, что девушка боялась, как бы ни подавиться собственным сердцем.

– Я никуда не поеду, – оповестила дуворка с порога. Она не сводила воспалённых глаз с отца и медленно приближалась к нему. – Хотите меня продать? Продавайте. Но делайте это на моей территории, среди моих соплеменников, друзей и близких. Я не поеду на чужбину, где на свадьбе, даже сама невеста будет чужая. Я хочу видеть жениха на территории Катасаны, потому что имею к себе уважение. Рагимн должен предстать пред моим народом. Я дочь, достойная своего отца, и моё решение обсуждению не подлежит!

Среди толпы стояла тишина. Дуворы с уважением смот-

рели на красавицу Кирму, и со страхом на её отца, могущественного вождя древнего клана. Даже воздух замер, не летали мухи, не пели птицы, не журчала река. Небо укрывалось пушистыми белыми облаками, из-за которых тянулся робкий луч солнца. Только кроны деревьев шелестели изумрудными крупными листьями. Но тишину нарушил баран, протяжно заблеяв рядом с быком. Бык повёл головой, скосил лиловый глаз и грозно замычал. Путники встрепенулись, а Громовой голос сделал несколько шагов в сторону строптивой девчонки.

– Знаешь, отец, – продолжила Кирма, скрестив руки на груди, – я всегда слушала тебя, а теперь ты меня услышь. Поезжай и привези моего жениха сюда! Повторяю, я дочь своего отца, сильного и могущественного вождя древнего клана дуворов «Горных яков» – Пуотса, Громового голоса! И пока моё место здесь. Пусть чужестранец приедет, и мои люди ближе познакомятся с ним. Я не корова на распродаже, а дуворка, родом из первого древнего и сильного класса «Магических льдин», от рунного отчисления. Вот моё точное решение! Да будет так!

Дуворы, которые теснились вдоль ворот, чтобы проводить в дорогу вождя и его дочь, звонко захлопали в ладоши и затопали ногами, в знак одобрения и согласия.

Отец молчал. Впервые он не находил нужных слов, ведь дочь превзошла его самого. Жиона округлила глаза, и зажала рот ладошкой. Женщина стояла в первом ряду провожа-

ющих, прижимала к себе младшую девочку, и нервно теребила её по волосам другой рукой. Да только младшая сестрёнка вырвалась и подбежала к Кирме. Девочка плакала и обнимала её за ноги. Дуворка упала перед сестрой на колени и прижала к себе. В её глазах застыли слёзы, а в душе царила пустота.

Вождь вскочил на могучего быка, развернул его к выходу и выехал под свист своего народа. Следом проехал гость и приятель Пуотса – Толос, северный дувор. И уже после них следовали несколько мужчин, поверенных вождя. Завершил сию процессию на маленьком барашке поварёнок. Он сам вызвался съездить в другой лагерь и разведать некоторые премудрости в приготовлении парного мяса медведя и похлебки из мозгов горных птиц.

Кирма внимательно смотрела им вслед, одной рукой обнимая сестрёнку, второй смахнула одинокую слезу. Она боялась, что не получит ожидаемого от своего выступления, но в этот раз всё вышло по её желанию. Девушка могла, конечно, сломать ногу или объесться диких ягод, в крайнем случае, пожевать сон – травы, чтобы вызвать дурноту, но эти методы не подействовали бы на Пуотса. Никогда в их семье, да и в половине клана, мужчины не относились с почтением к женщинам. Их использовали по прямому назначению и не более. В те суровые времена царили дикие нравы, когда любовь считалась недопустимым явлением, так сказать непозволительной роскошью. О ней пели песни барды, сла-

гали былины писари и шептались женщины, за неё боролись воины и добивались романтики, но её не допускали в свои сердца промерзшие душой северные жители. Да, было дело, приходила эта строгая царица в одинокие заледенелые сердца и плавила их, но большинство народа не понимали, что с ними случилось, и загоняли печаль подальше в душу. В тени и холоде любовь умирала, тихо и больно.

Проводив вождя в поход, народ начал расходиться по домам. Кто-то приступал к работе, кто-то запирали ворота, а Кирма обернулась к матери, та только покачала головой.

– Радуйся, что отец прилюдно не выпорол тебя, – произнесла Жиона. Женщина проговорила это сквозь стиснутые зубы и твёрдым шагом направилась в сторону амбара.

– Он никогда не опозорится перед гостем и народом. Зачем показывать, как он портит свой товар? – грустно усмехнулась дочь. Она взяла сестру за руку и направилась в сторону дома.

«Теперь дело за Иримом! – размышляла Кирма по дороге. – Только бы всё получилось. И когда отец вернётся, меня уже здесь не будет».

Мы предполагаем, а небеса располагают. Наивный народ, и планы его глупы.

Глава 10

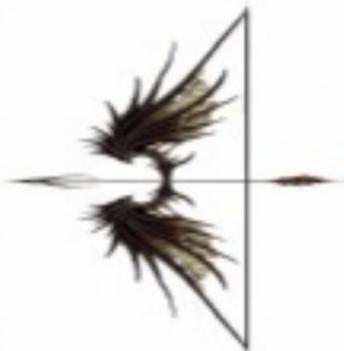
– Ну вот, мальчик мой, теперь ты – взрослый мужчина! – похлопал отец по спине Ирима. Отец с сыном возвращались домой, где их ожидал серьёзный разговор с Мирателлой.

– Спасибо, отец, что поддержал меня! – с едва заметной улыбкой ответил элли.

– Ну, а как иначе? Мать тебе мазь даст. Первые дни смазывай ранки на татуировке, так быстрее заживёт и жжение пройдет.

– Отец, я надеялся, что мне устроят обряд, как и всем: красиво в центре леса. Мы же «Тени леса»! И сидя на ветвях, усеют пространство вокруг меня стрелами в знак посвящения, и, чтобы отвлечь от боли. А тут как быка заклеямили и выгнали из дома вождя, где и набивали рисунок.

– Сын, ты как думал? Ты навлёк позор на всю общину, обидел вождя и всех девушек эллиек. Ты бы радовался, что хоть так, но всё прошло по традиции, и ты теперь татуирован! – воскликнул Веллес. Он обладал отличной реакцией и успел ухватить сына за рукав, когда тот решил прошмыгнуть мимо дома и сбежать в лес. Ирим попытался вырваться, но родитель был непреклонен и больно схватил его за плечо ближе к груди, где недавно наносили красивый рисунок тонким раскалённым пером, смазанным в едкой охре.

Распахнутые крылья в виде лука со стрелой и натянутой тетивой.

Боль ужалила элли, но он мужественно промолчал. Веллес загнал сына в дом. Мирателла уже держала мазь наготове и поджидала их у двери. Она заботливо смазала сыну ранки, где гордо красовалось клеймо, и помогла застегнуть тунику. Потом уже усадила Ирима за стол, налила ему кружку эля и села напротив. Отец стоял у двери. Молодой мужчина оглядел родителей и залпом осушил кружку. Его голова закружилась, а в ушах противно зашумело, заглушая голос матери. Он потряс головой, растрепав хвост длинных светлых волос, собранных высоко на затылке.

– Сын, Аркял подобрал тебе невесту – Нулипес. И уже через пять дней вы поженитесь! – пояснила мать. Женщина теребила краешек тонкой вязаной салфетки на столе и отво-

дила взгляд от сына. – Она живёт недалеко от нас. Вождь не желал устраивать торжество, но понял, что девочка не виновата, раз у неё такой непутёвый жених. Она достойна настоящего обряда. Так вот теперь, ты должен забыть свою любовь, отречься от неё и жениться на девушке нашей расы. Тогда через некоторое время всё забудется, и заживёте своим чередом.

– Где Бьуч? – спросил Ирим. Совершенно не вникая в речи о женитьбе. Мужчина вопросительно переводил взгляд с матери на отца и обратно. – Как он?

– Раны заживают, – ответила мать. – Он уже выполняет поручение Аркяла и готовит твою свадьбу.

– Я не женюсь! – отчеканил элли. Он резким движением откинул волосы назад, потом опёрся локтём о стол и подпёр голову. Она стала вдруг слишком тяжелой, чтобы держаться на плечах.

– Ещё как женишься! – вскричал отец. – Если тебе не жаль себя, подумай о матери. Разве она заслужила такое? – Веллес грозно погрозил кулаком и подскочил к сыну, усаживаясь рядом.

– Отец, не люблю я эту Пулину. Я её даже не знаю, – приводил аргументы мужчина, повернувшись к элли.

– Её имя – Нулипес. Будь добр, запомни это! Вот обручитесь, и узнаешь девочку ближе. Если бы твоя дурная голова не была забита всякими глупостями, ты бы знал каждую эллийку племени поимённо, и выбрал бы себе жену сам. Мы

с матерью распустили тебя. Всё жалели, что сынок у нас худенький, маленький, не обидели бы его. А он вон что учудил!

– Отец, ты любишь Мирателлу? – тихо спросил Ирим. Он налил себе из высокого запотевшего кувшина ещё эля и тут же выпил его.

На столе стояла миска с тушёными бобами и жаренной на углях рыбой, но Ирим, и думать не желал о еде. В доме витал умопомрачительный аромат сочного нежного рыбного филе с травами, к которому никто не притронулся. В очаге язычки пламени лизали тонкие сухие веточки можжевельника, создавая атмосферу поздней весны, когда начинали гореть торфяники и распространяли по лесу смог. Но тем, кто присутствовал на семейном совете, не было тепло, а сделалось неуютно.

– Люблю! – ответил Веллес, после паузы. Он встал со скамьи, выхватил из рук расстроенной Мирателлы салфетку, которую она наполовину распустила, и направился к печурке. Пошевелив угли, элли встал у двери, повесив салфетку на крючок.

– Вот и я хочу жить с любимой. Как же вы меня не понимаете?! Никогда никто даже не попытался меня узнать ближе. Только и знали, называть меня балбесом, да шалопаем. А я живой! Только вы этого не рассмотрели. Я ведь для всех лишь тень недостойная внимания, – кричал Ирим. – А у меня есть душа, я чувствую боль и страх. Я ощущаю свою ненужность.

Отец услышал этот крик души и отошёл от двери. Он сел на лавочку рядом с супругой и обнял её за плечи. Мирателла тихо плакала, сотрясаясь всем телом. Она тёрла передником удивительной красоты глаза, напоминающие формой кошачьи. Веллес же прямо смотрел на сына, в то время как Ирим сидел, опустив голову, и чертил пальцем невидимые узоры на столе.

– Так надо, сын. Ты позже всё поймёшь, – пытался подбадривать отец.

Ирим выжидал – ему нужен был момент, когда проём в двери освободится. Он тут же вскочил на ноги и ринулся к выходу.

– Я ухажу! – обронил он. Элли выскочил за порог и помчался к лесу, всё глубже погружаясь в его спасительные объятия.

Ирим спешил и не смотрел под ноги, только бы успеть уйти как можно дальше. Зацепившись за корень Олиствы, который выполз наружу из земли, Ирим плашмя рухнул на живот. В тот день он был обут в широкие неудобные башмаки. Это и сыграло с ним злую шутку. Клеймёное плечо при падении обожгло болью, и на долю секунды элли потерял контроль над собой. Когда сноп искр осел перед глазами, он присел на корточки и посмотрел себе под ноги. Один башмак соскочил с ноги и валялся в стороне, пяткой вверх. Но не это привлекло внимание мужчины: среди хвои мелькнуло что-то маленькое и блестящее. Ирим подобрал ветку и начал ко-

вырвать почву, чтобы достать находку. И вдруг ему на голову обрушилось нечто тяжёлое, от чего он потерял сознание, уткнувшись лицом во влажную прелую хвою.

Через некоторое время очнулся элли в темноте. От запаха сырости и гнили, его чуткий нос заложило.

«Где я? Что со мной? Ничего не понимаю!»

Где-то высоко кричали вороны, потревоженные злодеем. Их было отчетливо слышно даже в сырой глубокой яме. На улице точно был сильный ветер, он гнал мусор по земле и мелкие камни. Над головой что-то зашуршало, и это уже не проделки сквозняка. Импровизированный потолок, который состоял из параллельно связанных веток чудесного священного дерева Олиствы, покрытых лапником осыпавшей хвоею сосны, медленно сдвинулся в сторону. В проёме показалось светлое небо, да яркое солнце. Ирим потёр глаза, привыкая к свету. Вдруг в отверстие просунулась свирепая физиономия одного из орши. Человек шлёпал пухлой нижней губой о верхнюю, оскаливая при этом рот с гнилыми зубами. Чудак присмотрелся к пленнику.

Именно этот дикарь первым заметил на поляне ни о чём не подозревающего молодого паренька и так бессовестно лишил его свободы.

Бродил он с напарником по лесу с целью найти хоть какую-то добычу или, по крайней мере, отобрать её у того, кто повстречается на пути. Из отряда их выгнали недели две на-

зад, потому что один из этих серо-зелёных чудаков посмел подбивать клинья к дочери вожака и рассчитывать на её любовь. Ушлая девица не растерялась и ударила его маленькой булавой с острыми шипами по уху, раскроив его надвое. Может она была и не против таких знаков внимания, и своим поступком решила поощрить к дальнейшим действиям несмышлёного кавалера, да только тут на защиту дружка поспешил второй, и завязалась борьба. Девица лупила расшалившихся вояк, что было сил. А их у неё было не мало. Возню заметил вожак, вернувшийся после очередного длительного похода. Возвышаясь горой над этими могучими горбатыми «быками», он схватил обоих за шкуру, стукнул лбами, и выгнал из лагеря. Вслед доносилось позорно-весёлое улюлюканье собратьев. Их громко осмеяли, чтобы разозлить ещё больше.

Незадачливые дружки ушли, только так и не поняли, за что их погнали. Глупые и злые молодые парни, всего-то по пятнадцать лет, а выглядят как старики, от бродячего образа жизни. Вот и теперь им предстояло как-то выживать и питаться, не имея под рукой ни единого подручного средства. Погода стояла тёплая, и спать было комфортно на голой земле под открытым небом. Труднее дело обстояло с пропитанием. Кое-какую живность они умудрялись поймать, но, эти лакомства перепали им очень редко.

Голодные и злые, они шлёпали по горной тропинке. Обоняние обострилось до максимума, только бы не пропустить

добычу. И вот им повезло. Впереди, среди зарослей пахучего кустарника послышался шорох. Друзья медленно подкрались с двух сторон и слегка раздвинули ветки. Их взору предстала удивительная, живописная картина: на крошечной полянке сидел задумчивый юноша. Элли разгребал палочкой хвою, чтобы найти среди мха и листвы то, что сверкнуло под его ногами золотым блеском.

Орши переглянулись, кивнули друг другу, неуклюже выскочили из укрытия и мгновенно схватили парнишку. Вырубив его ударом по затылку крепким кулаком, один из дикарей взвалил добычу себе на плечо. Не сговариваясь, варвары пошлёпали обратно. Изначально в их планах было пообедать мальчишкой. Потом они скинули на траву и как можно лучше разглядели пленника. Было решено отнести его вожаку в знак перемирия. Ведь тогда, наверняка, оценят их поступок по достоинству и разрешат вернуться туда, где отрядом выживать легче, нежели бродить по одному и искать приключения на свою непутёвую голову. Нестерпимо сводило животы от голода, но вернуться в свой отряд желалось ещё больше. И по взаимному решению сговорились отнести добычу главному.

Вожак не пустил их в лагерь, но разрешил поселиться у входа. Добычу он забрал. Немного подумав, Зодон так и не определился, как правильно распорядиться молодым элли. И потому, на время пленника поместили в яму для изгоев. А сторожить его, приказал вождь провинившимся дружкам.

Они несли службу исправно, боясь сделать хоть один неверный шаг и оказаться вне лагеря. На это время была позабывта безответная любовь одного из чудаков.

– Очухался! – пояснил похититель. Рядом с человеком нахотился кто-то ещё. Он принял из других рук чашу с ягодами и просунул её в отверстие, чтобы вывалить содержимое.

Несколько спелых ягод манжелины ударились о землю и лопнули, истекая алым ароматным соком.

– Жри, – разрешил дикарь.

Из недр глубокой холодной ямы на злодея смотрели ничего не понимающие бирюзового цвета глаза. Молодой элли встал во весь свой не маленький рост, только заполнив яму на одну треть, и запустил горсть земли прямо в глаза похитителю. Тот гневно зарычал, погрозил кулаком, и резко задвинул настил обратно, спрятав лучи тёплого солнца от негодующего пленника. Тот остался теряться в догадках о дальнейшей судьбе в сыром тёмном подземелье.

Ирим снова присел на корточки и обхватил голову руками.

«Как же я так мог оплошать? Совсем потерял чувство реальности. Страх пропал, и об осторожности вспоминать теперь нечего, – корил себя Ирим. – Как же мне предупредить свой народ, что орши принялись за прежние выходки? Как мне Кирму спасти?»

Вдруг слышались голоса, которые отвлекли элли от переживаний. Говорили явно двое. Ирим весь обратился в

слух, привстав на носочки и вытянув шею.

– Как думаешь, Зодон обменяет этого на их земли? – про-
рокотал голос над головой. Говоривший похититель ходил
из стороны в сторону, сотрясая землю тяжёлыми шагами.

– Баден, ты совсем без мозгов, да? Зачем им какой-то
один мальчишка, чтобы менять его на свои земли? – отвечал
собеседник, чувствуя превосходство над приятелем.

– Какой-то мальчишка! Он у них очень даже не какой-то,
а необычный. Посмотри, он отличается от них. В нём явно
течёт королевская кровь! – приводил аргументы собеседник.

– И что? Может его мамаша согрешила с кем? – орши рас-
смеялся над своей шуткой и к нему присоединился второй.
Они громоподобно ржали и били себя по бёдрам, выражая
веселье. Эти шлепки были хорошо слышны, и не нужно бы-
ло даже гадать, что это за звуки.

– Не знаю, Баден. По мне, так лучше бы мы его съели. Я
ещё никогда не ел живого элли.

– Слотос, тебе бы всё жрать, – пробасил собеседник и про-
шлёпал мимо ямы.

Ирим устал стоять на носочках и присел на корточки. Шея
у него затекла от напряжения и затылок противно заныл. Не
напрягая слух, элли вникал в суть дальнейшего разговора.

– Ой, а тебе, скажи, нет? И не ори, а то опять разозлим
Зодона, – цыкнул Слотос. Он тяжело опустился задницей на
землю и громко пукнул. Это конечно деликатно сказано, а
на деле: рванул, так рванул. Даже в яме через настил воздух

заметно подурнел. Элли усмехнулся и покачал головой.

– Фу! Слотос, ты опять набздел? – завопил Баден. – Как ты умудряешься так тухло выпускать пар?

– Научить? – Заржал Слотос. – Это у меня штаны порвались.

– Давай-давай, заливай, штаны порвались у него. Вонючка, ты, эдакая! – пыхтел Баден. – Ты меня этим так злишь. А Зодона гневишь, когда пытаешься забраться на его дочурку.

– Баден, ну а ты разве не хочешь с ней погулять? Хороша же! Жирная такая! А груди, что мои булавы! – сыпал комплиментами орши пока ещё невидимой особе. На что они снова заржали.

– Пустоголовые бараны, – тихо озвучил Ирим свои мысли. Он наградил монстров ещё парочкой непечатных эпитетов и обхватил плечи руками, чтобы немного согреться.

– Не хочу я стеречь этого жалкого эллиёныша, – жаловался Слотос, ерзая по земле мягким местом. – Воевать хочу. Крови жажду, аж руки чешутся.

– Да. Сейчас бы как замахнуться могучей булавушкой и проломить кому-нибудь череп. И ещё я мяса хочу свежего, тёплого. Пора на охоту. Я совсем уже обленился. Сидим с этим крысёнком, как мамки у норки.

– Зато в отряд вернулись, – подбодрил приятеля Слотос.

– Ну а чего, ты, правда, не знаешь, что будут с ним делать? – переспросил Баден, усаживаясь рядом, судя по звукам.

– Нет. Со мной ещё никто не разговаривал. Они только из похода вернулись, а тут мы связались с его дочкой. А дальше сам всё знаешь, – ответил Слотос.

– Надо было там его поджарить, и всё. А теперь возись с ним, – выражал недовольство орши.

– Может, ты и прав, – согласился собеседник. Он зевал, а второй громко рыгал.

Караульные ещё немного обсудили прелести невидимой толстозадой дамы, как они расписали её в разговоре, и после голоса стали тише, а вскоре смолкли совсем.

«Вот оно что, – сделал выводы про себя элли. – Это изгой меня утащили, ради того, чтобы вернуться в отряд. Я на их территории, судя по всему. Понятно, почему так дурно пахнет. Лучше бы помылись хоть раз. Меня и убивать не надо, сам задохнусь от их ароматов. Как же это не вовремя, милая Кирма. Пока я выберусь отсюда, ты станешь чужой женой в далёком краю. А я если не погибну здесь, то умру там от тоски и боли».

Но не в характере Ирима было отчаиваться. Он решил попробовать сбежать.

«Жаль, яма узкая. Я бы попробовал подняться, опираясь о стену ногами».

Он начал ощупывать глиняно-земляные стены своей тюрьмы. Из-за того, что орки ленивы от природы и не шепетильны, у них и дела выполняются наполовину. Стены ямы не были оглажены и имели заметные на ощупь шероховато-

сти и выступления. Ещё помогало, что элли мог ориентироваться в темноте. Сообразив, цепляться пальцами и упираться коленями, Ирим медленно поднимался. И вдруг его озарила неприятная догадка, за спиной не было лука.

«Вот гадости, отобрали мой лук. Без него мне будет труднее действовать».

Добравшись до верха, элли осторожно двинул настил из стороны в сторону. С трудом, но он отъехал в одном из направлений. Весь подъём занял несколько часов. Опираясь на руки, Ирим выглянул наружу. Никого не было. Тогда уже он вылез полностью. На улице было темно, как и в яме. Только звёзды слегка освещали пространство вокруг посёлка. Сухой тёплый воздух обдал смесью ароматов. Нежное благоухание увядающих лесных цветов, запах грибов и влажного мха, смешались с духом нечистот и гнилью отходов. У ног парня проскочила большая мохнатая крыса и скрылась за раскидистым деревом. И вдруг, откуда ни возьмись, завизжала женщина. Элли метнулся в противоположную от крика сторону. Только там уже раздавались быстрые шаги. Рванув в бок, Ирим заметил, что на него несутся два безумных орши. Они топали так, что сотрясалась земля и вверх взметнулась пыль.

– Призрак! – продолжала голосить баба. В темноте её не было видно, зато слышала вся округа.

Ирим бежал прямо на похитителей. Расчёт был на то, что они расступятся и попытаются ловить его по отдельности. Так и вышло. Элли проскочил между ними, высоко подпрыг-

нул и ухватился за ветку дуба, росшего посреди лагеря. Так как он однажды уже здесь побывал на разведке, то знал местность отлично. Перепрыгивая с ветки на ветку, он уже было собрался перекинуть ноги на сосну. И вдруг руку пронзила нестерпимая боль. Копьё угодило прямо в запястье. Хватка ослабла, и элли полетел вниз. Проломив соломенную крышу, мужчина приземлился посреди временки самого предводителя орши.

Зодон собственноручно сгрёб беглеца за шиворот и оттащил к той же яме. По всей видимости, она была у них одна. Скинув беглеца с высоты, он задвинул сверху лапник. Ирим больно ударился ногами при падении, и их осушило. Болели и руки, а рана кровоточила. В голове у элли засела обида, но он даже в сырой яме гордо поднял голову и откинул за спину белокурые волосы.

«Ведь почти удалось, – упрекал Ирим себя. – Дурень! Теперь точно не видать тебе Кирмы».

Но самобичеванием заниматься было некогда. Орши затеяли спор между собой, и Ирим наострил уши.

Как элли понял, вожак разозлился и задал трёпку стражникам. Он схватил незадачливых сторожей за шкуру, как совсем недавно Ирима, и ударил их лбами друг об друга. Потом уже отвалил каждому коленом под зад. Только судя по всему, из отряда не выгнал их. А к пленнику приставил нового смотрящего, по имени Матакар. Ирим прислушивался, а сам принялся исследовать пол темницы на возможность сде-

лать подкоп. Земля была утрамбована манером мостовой, и даже слегка подковырнуть её не представлялось возможным. А между тем, у орши продолжались дебаты. Болваны пытались оправдать себя в глазах вожака, а тот не желал даже слушать их.

– Матакар, – обратился вожак, – я тебе доверяю, как себе. Стереди этого пройдоху, не смыкая глаз. Я пока никак не могу решить, как поступить с ним.

– Сделаю! – согласился орши.

Судя по звукам, все разошлись, и наступила тишина. Только стражник копошился близ отверстия в яму. Он громко сопел и шлёпал губами.

– Эй, Матакар! – крикнул Ирим, вставая на носочки. Он опирался вытянутыми руками о шершавую стену и дрожал. Нет, ему не было холодно. Злость и боль, захватили элли.

– Чего тебе? – прорычали сверху.

– Дай воды, рану смочить нужно, – попросил Ирим.

– Не положено.

– Чего тебе там не положено? А если я заболею и умру, тебе будет положено? – спорил элли с орши.

Некоторое время было тихо. Видимо до охраняющего туго доходил смысл сказанного. Потом уже раздались шаги в одну сторону и тут же обратно. Потолок чуть сдвинули, и на тонкой верёвочке спустили маленький глиняный кувшин, в котором было воды лишь на пару глотков. Его прикрывал крупный листок подорожника. Видимо Матакар после дол-

гих раздумий решил, что не стоит судьбу испытывать, оставив элли без питья, и в то же время, не стоит пленнику давать много воды.

– Да уж! – усмехнулся Ирим. – По жадности, ты видимо занимаешь первое место в отряде. Или боишься, что я много выпью и ещё больше напружу? А, Матакар? Не переживай, я не умею плавать.

– Молчать! – рявкнул орши и запыхтел ещё громче.

– Молчу! – согласился элли. Он оторвал манжету от туники, после чего прополоскал рану на руке. Предварительно приложив подорожник, мужчина перевязал тонкое кровоточащее запястье.

– Слышишь, Матакар, я рану промыл, чтоб не заразиться у вас тут чем. Вы ж не моетесь совсем, – орал Ирим. Ему нравилось дразнить глупых негодяев, которые может, и были умны, но не понимали, как своими способностями распорядиться. – О, скажи, а почему вы не моетесь? Воды кругом много, а вы как чушки.

– Заткнись, а то я тебя утихомирю? – пообещал орши. Он вдруг заговорил странно спокойным тоном, если не сказать больше – дружелюбным.

– Серьёзно? А как ты это сделаешь? Ко мне спустишься? Или я к тебе поднимусь?

– Узнаешь.

– Ну чего ты, я совсем не возражаю, если ты у меня погостишь. Не стесняйся. Только помойся вначале. А то моя

хижина провоняет от тебя, а тут и своих запахов хватает.

– Я тебя убью! – пообещал Матакар.

– А Зодон разрешил?

Орши молчал, притих и Ирим. Он сам не понимал, что даст ему, если он выведет стражника из себя. Может, просто от досады решил хоть так, но отыгаться на одном тупом верзиле. В голове тревожно пульсировала только одна мысль, спастись любой ценой. Нужно бежать, и как можно скорее.

Глава 11

Прошло пять дней, с тех пор как Ирим совершил попытку бегства. Кирма не находила себе места. Её возлюбленный больше к ней не приходил. Девчонка от отчаяния не знала что думать.

«Неужели он меня обманул? Просто предал или пошутил, как он умеет, а сам и думать забыл. Что мне теперь делать? Как поступить?»

Дуворка каждый день ждала Ирима до утра в лесу вместе с Яксом. Спала она на хворосте под Олиствой, а потом и во-все перебралась в берлогу к питомцу. Девушка осунулась и побледнела. Пропали из её глаз прежние блеск и воинственность. Постепенно и жажда жизни притуплялась. Кирма тосковала по поцелуям и ласкам любимого мужчины. Ей хотелось обнять его, прижать к себе, и стать его суженой, только бы он не покидал её уже никогда. Девушка в ту же секунду была готова за ним уйти, хоть на край Земли, только бы он предстал перед ней живой и невредимый, улыбнулся и подарил цветок. Всё на свете она была готова отдать за то, чтобы видеть бирюзу насмешливых глаз. Образ Ирима следовал за ней всюду, куда бы она ни направлялась. Однажды Кирма всё же отправилась к элли, но не дошла. Во-первых: спуск занял много времени, а во-вторых: остановило то, что нечего было сказать и спросить.

Дома дела обстояли не лучше. Мать не разговаривала с ней и даже не пускала в дом. Девчонка перебралась из леса и временно разместилась у соседки. Они не раз вместе разделывали туши овец и немного дружили. Кирма была удручена и напугана поведением Жионы. Она не ожидала, что мать не примет и не поймёт её решения.

«Неужели мне придётся выйти замуж за этого Рагимна? – спрашивала Кирма саму себя. – Нужно будет жить в снегах и сугробах, и ходить босиком. Нет! Я не смогу и не вынесу этого. Лучше умереть, чем уступить отцу».

Как-то раз Кирма решила и подошла к матери. Дочь ухватила её за руку и развернула к себе лицом.

– Мам, почему ты не любишь меня? Зачем ты так со мной? – спросила девушка. Она заглядывала в родные глаза, но не находила в них ответы на свои вопросы. Жиона не выказывала своих чувств никогда и никому. За это её уважали в племени и часто приходили за советами и помощью.

– Люблю! – ответила мать и ушла.

– Что же это за любовь такая? – крикнула дуворка вслед удаляющейся матери. Но ответа так и не получила.

«Любовь! Все говорят, что любят, но бросают меня. Может, на мне какое заклятие? Вот и колечко потеряла, – а это плохой знак. Найти не могу, как и своё счастье, – подумала Кирма. – И не спросишь ни у кого. Может, кто видел, нашёл. Как и про судьбу. Не спросишь ни у кого, где её искать».

Кирма отрёшенно взялась за привычные дела, только всё

валилось из рук. Ей слышался голос Ирима. Девчонка сердцем чувствовала, что ему плохо. И от этого кручинилась ещё пуще. Кирма перестала питаться и спать, а часами сидела у реки и смотрела на круги, расходившиеся по зеркальной поверхности. У берега юркие рыбки хватали мелких червячков, плавающих в заводи. Лягушки глотали комаров и возились в камышах. Белки сновали с ветки на ветку, птицы трелью оглашали округу, а она тосковала. Так тосковала, что её грусть передавалась Ириму.

Элли в это время пытался составить план нового побега, да только на ум ничего не приходило. В голове будто варилась каша, причём на огне, от которого вспотел лоб. Может, рана воспалилась, и начался жар? А возможно от переживания. Он слушал вопли орши, но не желал на них отвечать. Ирим хотел, чтобы его оставили в покое, чтобы хоть немного отлежаться и обдумать плачевное положение.

– Эй, ты живой там?

Тишина.

– Чего молчишь? Отвечай! – злился Матакар и пыхтел возле ямы.

Тишина.

– Я спущусь сейчас и сдеру с тебя шкуру.

Тишину нарушило шуршание настила. Сдвинув его в сторону, орши просунул в щель свою устрашающую огромную голову.

– Отвечай, когда с тобой разговаривают, глупый элли! – проревел он, но ответа не услышал. – Ты там спишь что ли?

– Уснёшь с тобой, – пробормотал Ирим. – Чего надо? Что пристал?

– Это я пристал? – Озадачился Матакар и почесал грязным пальцем подбородок.

– Ну, не я же, – парировал Ирим. Пленник сидел, подбрав колени, и уткнувшись в них носом.

– Есть хочешь? – примирительно осведомился дикарь.

– Нет. Можешь съесть мою порцию, – разрешил Ирим. Он даже не поднимал головы на верзилу.

– Ты почему наглый такой? Ничего не боишься?

– Ничего и никого, – ответил элли. – Мне уже всё равно.

– Почему? – удивился сторож и немного передвинулся у отверстия.

– Тебе, правда, интересно? – усмехнулся Ирим и поднял лицо. В его глазах стояла такая печаль, что громила подполз на пупке ещё ближе к яме и устроился удобнее.

– Да, – ответил орши. Он вытянул толстые ноги назад, а лицо глубже просунул в отверстие потолка.

– Понимаешь, страшная ты морда, я влюблён! Вот ты меня здесь держишь, а в это время мою любимую девушку отдают замуж в чужом краю, – пояснил Ирим и поднялся на ноги.

– А, ну, я тоже влюблён, – кивнул орши.

– Ты? – удивился Ирим.

– Я. А что тут такого? Я живой! – пояснил орши и испортил воздух. – Я такой же человек, как и ты, только немного мохнатый и зелёный. Но это от того, что мы много употребляем настоя малахитового паучьего саженца. Зато от него мы становимся крепкими и непобедимыми.

– Слушай, ну разве, вы вообще способны на что-либо, кроме пакостей и вражды? – переспросил Ирим, отмахиваясь от поступившего в яму сероводорода.

– Я способен! – пояснил Матакар. Орши приподнялся на руках, одну завёл за спину и громко поскрёб ягодицу; после чего понюхал пальцы и вытер их о залатанную тунику. – Не хочу я такой жизни. Смотрю я на тебя и понимаю, как вы там хорошо живёте, а мы здесь просто существуем. Никчёмные мы.

– Вы сами виноваты, – сделал вывод Ирим. Он удивлялся, до чего правильно выражался дикарь, в его глазах читались сообразительность и переживания.

– Я не хочу так жить, – решительно произнёс собеседник.

– Я не пойму, ты разыгрываешь меня что ли? С чего вдруг такие откровения? – начал злиться элли. Он снова сел на землю и обхватил острые колени руками.

– Я хочу, чтобы ты помог мне, – поделился мыслями орши.

– Я? Тебе? – ухмыльнулся Ирим. – Чем же? Может, хочешь поменяться со мной местами?

– Я говорю тебе правду. Пообещай, что поможешь мне, а

я помогу тебе, – неожиданно тихо попросил Матакар.

– Послушай, Матакар, не стыкуется у нас. Как ты можешь довериться несерьёзному элли? И как я – ветреный парень, могу поверить тебе, дикарю? – рассмеялся Ирим. Он даже не поднимал голову на орши, до того нелепыми показались его высказывания.

– Я помогу тебе сбежать. А взамен, ты заберёшь меня с собой и научишь жить.

– Как ты всё закрутил. Ну, допустим. А ты это что же, тоже ради любви задумал? – поинтересовался Ирим, рассматривая перед собой земляную стену.

– Нет. Мою любимую девушку съели, – доверительно сообщил орши и снова выпустил воздух, только громче.

– Чего? – Ирим закашлялся. – И перестань бздеть, а то я угорю от твоих газов.

– Да. Съели у меня на глазах. У нас так принято за непослушание. Она хотела жить со мной, чтобы я ей мужем был, а её утащил другой. Она его убила. Тогда вожак назначил ей другого мужа. Она и его убила. Вот её и съели. И я не виноват, что меня всё время пучит. Моя любимая женщина за это меня ругала постоянно, но я не виноват.

– А почему тебя не назначили её мужем?

– У меня уже было две жены, – доверчиво поведал собеседник. Ему стало неприятно валяться на земле, и он приподнялся на локти.

– Зачем тебе ещё и третья? – присвистнул элли.

– Они ушли от меня. Сначала одна жена меня покинула, а через год вторая сбежала. А если б было три, то третья не ушла бы точно.

– Слушай, дикий вы народ! Зачем так живёте непонятно? – рассмеялся Ирим. Он опять встал во весь рост и посмотрел на собеседника.

– Вот я и толкую тебе об этом. Помоги.

– Помогу! – согласился Ирим. Он понял, что есть в словах смысл этого битого жизнью дикаря. Верзила был какой-то жалкий и потерянный, и совсем не выражал вражды. Точно маленький ребенок, доверчивый и глупый, что впору пожалеть его. – Когда ты мне поможешь?

– Я всё устрою! – пообещал Матакар.

Через два дня он устроил побег элли, но план не удался. Орши заметили их, убегающих из посёлка, уже на подступах к лесу. Ирима связали и бросили в ту же яму. А перед этим, на его глазах два дикаря: Слотос и Баден, живьём съели Матакара. Пока они ели собрата, Ирима держал под руки крупный мужчина в пропахшей потом широкой рубаше, и заставлял на это смотреть.

«Эти набьют брюхо и отложат новые лепёхи позади лагерь, – подумал Ирим, – а Матакар уже никогда не начнёт новую жизнь».

Связанный элли лежал в темноте, а перед глазами стояла ужасная картина, как рвали на куски живое существо. Почти так же рвалась его душа. Мужчина понимал, что опоздал.

Он не спас любимую, и теперь она будет считать его подлым обманщиком.

«Что же этот тупой Зодон тянет? Ума не хватает решить, что со мной делать? Дурак, меня спроси. Я отвечу, что никому в своём племени не нужен, и ты теряешь время».

Как же страдал Ирим все последующие дни, сидя в сырой затхлой яме. Перед глазами мелькал образ такой родной и желанной девушки. Он почти ощущал прикосновение её губ на своих губах. В темноте он осязал её образ своей изнывающей душой; мысленно гладил и ласкал; жалел и баюкал, зарываясь длинными тонкими пальцами в её густую позолоту шелковистых волос. Но постепенно картинка в его сознании менялась. Ирим уже видел рядом с любимой девушкой чужого, грубого мужчину – её мужа, который каждую ночь ложился рядом с женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.